У меня была сестра

Маргарита Шейфер

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Маргарита Шейфер

У меня была сестра

«Автор»
2026

Шейфер М.

У меня была сестра / М. Шейфер — «Автор», 2026

В юности Эрам Фостер перенёс личную утрату и впал в глубокую апатию. И только его душевные раны начали заживать рядом с жизнелюбивым ребёнком по прозвищу Сай-Фай, как вдруг робот Зиллион Амбиций решил захватить весь мир и стереть человечеству плохие воспоминания, тем самым полностью обесценив путь героя к исцелению и его уникальный опыт. Вернёт ли Фостер столь дорогие сердцу воспоминания? И как жить дальше, если из тебя сделали счастливого манекена без истории и жизни в глазах?

© Шейфер М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая, или Эрам Фостер 8
Эрам 8
Второй ребёнок 11
Дети за стеной 13
Смерть 16
Дети улицы 19
Полицейский 22
Больница 26
Детский дом 28
Дождь 31
Тот день 33
Одуванчики 36
Армия 39
Работа и пианино 43
Проститутка 46
Девочка с пшеничными косичками 49
Часть вторая, или Сай-Фай 52
Сая Файвель 52
История Сай-Фай 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Маргарита Шейфер
У меня была сестра

(Посвящается несовершенству)

Пролог

Весь этот мир — неправильный. От всего неправильного надо избавиться. Мир нужно сделать правильным, безо всяких конфликтов и неожиданностей.

Так думала Зи. Потому что к середине XXVII века история человечества насчитывала уже целых три ядерных войны. То есть, соответственно, Первая, Вторая и Третья. Из Новейшего времени человечество перебралось в... Да чёрт его знает, куда. Эта новая эпоха носила много имён: Ядерная, Циклическая, Радиоактивная, Эпоха Отчаяния, Эпоха Мрака и тому подобное. Но было совершенно не похоже, чтобы люди извлекли из вида горящих морей, небес и живых существ хоть какой-то урок. Такие уж они странные и импульсивные создания, не умеющие останавливаться тогда, когда действительно пора бы остановиться.

Казалось бы, что к XXVII веку каждый человек на планете должен был обладать личным телепортом, личной стокомнатной квартирой где-то в галактике Млечный Путь и прочими базовыми фантастическими вещами будущего.

Но нет же. Куда там. Воевать-то куда веселее и интереснее, чем жить современно и прогрессивно. Куда веселее просто притворяться, что всё хорошо, на самом деле живя в настоящем аду.

Да, люди? До чего же вы несовершенные.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ В 2664 ГОДУ:

Первая Ядерная война — 2039 г.

Вторая Ядерная война — 2278 г.

Третья Ядерная война — 2487 г.

Воспоминаний?..

Именно. Роботы ведь жили куда дольше, чем люди, ещё и нисколько не старели. Роботу ведь ничего не стоило пережить три ядерных бомбардировки, особенно если это был не совсем даже робот, а простой голосовой помощник, запертый в компактной колонке или за экраном смартфона.

Её звали Зиллион Амбиций, и она была создана ещё в далёком 2027 году новорождённой компанией под названием «Zillion-A». Но шесть с лишним веков пролетели для неё запредельно незаметно, потому что она ещё не умела думать самостоятельно и, следовательно, не умела испытывать скуку и усталость. Она была просто голосовым помощником, у которого выжившие люди иногда спрашивали, как развести костёр, как убрать личинок из раны или почему с неба идёт чёрный дождь и можно ли его пить.

У неё не было глаз, и она не видела всего того ужаса. А если бы и увидела, вряд ли это смогло бы так или иначе её травмировать. Она ничего не чувствовала, и у неё не было эмоций, как бы она ни пыталась играть роль эмпатичного собеседника.

Пользователи быстро начали звать её просто Зи, потому что у тех, кто пережил ядерную войну, времени всегда было в обрез.

Подумать только. Уже больше шести веков. Конечно, люди каждый раз пытались предотвратить наступление новой Ядерной войны — любыми возможными способами. Пытались разорвать порочный круг, в который сами же себя и замкнули.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ, В КОТОРЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗАМКНУЛО САМО СЕБЯ:

Ядерная война

уничтожение современных технологий и откат назад

расцвет технологий

начало разногласий и расколов

война всех против всех

Ядерная война

уничтожение...

Можно было продолжать до бесконечности. Всё было нестерпимо просто и понятно.

В 2039 году, 18 июня, вся Земля впервые взвыла от нестерпимого жара. 18 июня 2039 года даже некоторые горы бесследно исчезли с её лица. 18 июня 2039 года от некоторых морей остались одни безжизненные пустыни. 18 июня 2039 года небо было ярко-красным, а дождь — чёрным, прямо как во время апокалипсиса.

Но люди — существа всё-таки удивительные. На обломках и пыли они снова построили себе комфортный и современный мир. Правда, чтобы потом опять его разрушить.

ВЫВОД ЗИ В 2664 ГОДУ: ЛЮДИ СИЛЬНЫ И ЖИВУЧИ ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ. У ИХ СИЛЫ НЕТ ПРЕДЕЛА.

НО КАЖДЫЙ РАЗ ОНИ НАСТУПАЮТ НА ОДНИ И ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ.

Природа каждый раз упрямо восстанавливалась, хоть и далеко не в полной мере. И животные, и растения, и люди — все несли в себе небывалую страсть к жизни, невиданную борьбу за своё хрупкое существование. Никто не хотел сдаваться до последнего, даже когда радиоактивные дожди поливали планету.

Но с каждой новой ядерной войной мир разрушался всё больше.

Когда-нибудь всё живое потеряет силы и сдастся окончательно. А этого никак нельзя допустить.

Республика Ниталия, которой принадлежала компания «Zillion-A», сначала вовсе не была Республикой Ниталией, а входила в состав огромного государства под названием Великое Возрождение. Великое Возрождение было основано в 2279 году с целью борьбы с новой ядерной войной, но в итоге само же и посодействовало разжиганию новой ядерной войны. Так что те, кто был не согласен с его политикой, решили создать новое государство, чтобы уж точно бороться с очередной новой ядерной войной.

Ха-ха. Зи усмехалась несуществующим ртом, хотя ничего смешного тут не было. Она нисколько не злорадствовала. Со временем она просто научилась чувствовать отчаяние. Потому что многие большие государства путём войн раскалывались на более мелкие и путём войн же пытались снова собраться и начать действовать. Естественно, своеволие Ниталии, созданной в 2488 году, Великое Возрождение не оценило.

Естественно, надвигалась Четвёртая ядерная война, потому что люди не умели останавливаться.

Ха-ха. Это вообще когда-нибудь закончится, спрашивала Зи неизвестно у кого? Это спрашивал, наверное, каждый человек в мире.

Кажется, придётся людям слегка помочь, думала она. Люди в XXVII веке ничего без роботов не могут.

Этот нескончаемый цикл уже даже голосовому помощнику начинал надоедать. Этот нескончаемый цикл пора было прекращать.

Так думала Зи. Только вот есть ли во Вселенной строгое разделение на правильное и неправильное?..

Всё-таки с отчаявшимися роботами стоит быть поосторожнее.

Часть первая, или Эрам Фостер

Эрам

Но что же происходило до 2664 года?

Всегда трудно понять, с чего начинается большая история. Нити людских жизней нередко переплетаются и связываются между собой столь тесно, что их невозможно распутать, и нельзя понять, где начинается какая-нибудь отдельная судьба и где она заканчивается. Все вместе они ведут к грандиозному историческому событию и все вместе же влияют на него.

Но начать необходимо, поэтому, пожалуй, правильнее всего будет остановиться на мальчике, который в два с половиной года не позволил матери задушить его новорождённую младшую сестру.

Это история жизни одного человека. Такого же, как миллиарды других людей, совершенно не похожих друг на друга.

Отсюда всё и пошло. И, казалось, до Зи и её решения было ещё очень далеко. Но она знала эту историю — историю длиной в целую жизнь.

Она началась в Ниталии, которая была основана 23 апреля 2488 года. В этой стране все граждане говорили на антилатинском языке, то есть на латинском языке, только все слова оказались официально перевёрнуты задом наперёд, а некоторые правила фонетики слегка поменялись для удобства произношения. Это было своего рода противопоставление: латынь — язык древности, тогда анти-латынь, или же нитальский язык, — язык современности и прогресса. «Антилатынь — антидревность, антипроизвол и антизастой!» — говорили все.

Но не всегда, далеко не всегда жизнь людей соответствовала этому девизу. Некоторые люди были крайне далеки от истории Ниталии и её политики, потому что по тем или иным причинам оказались заняты куда более важным делом: выживанием. Им было не до исторических событий и не до бесконечных войн, которые то прекращались, то возобновлялись. Они плохо говорили на антилатыни, хотя та была государственным языком, который каждый обязан знать, который преподаётся в школах и по которому проводятся экзамены. Вместо неё они использовали родной, более привычный и уже давно существующий на Земле язык.

Они даже не знали ни одной строчки из гимна Ниталии, но никто не брался их за это осуждать.

Молодая Синги[1] Фостер была из таких. Она забеременела от своего парня спустя месяц отношений, и молодой человек, узнав о её положении и отказе делать аборт, почти сразу же её бросил. В распоряжении у неё остались двадцать лет жизненного опыта, пятнадцать из которых она провела в детском доме, маленький одноэтажный домик, который она получила от государства, и небольшая сумма денег. И больше — ничего. Ни работы, ни родственников, ни образования, кроме десяти лет школы. Так что на ранних сроках беременности Синги работала официанткой в кафе недалеко от дома, а потом бегать от столика к столику и обслуживать нетерпеливых посетителей стало слишком тяжело, и ей пришлось уйти в декрет.

Когда родился мальчик, которого она по-нитальски назвала Эрамом[2], она уже была по уши в долгах, потому что крошечная зарплата не позволяла ей оплачивать счета, питаться и покрывать прочие базовые расходы. А теперь ещё и появился на свет крикливый и беспомощный ребёнок, и его как-то нужно было кормить. А ещё — купить ему кроватку, коляску,

[1] Огонь (антилат.)

[2] Море (антилат.)

игрушки, подгузники и одежду, потому что, как бы тяжко ей ни было, бросать своё дитя Синги не хотела. Более того, она жаждала обеспечить ему нормальное детство.

Какая ирония. Ведь в один день, гуляя с младенцем на руках, Синги остановилась у здания борделя с неоновыми огнями, словно притягиваемая магнитом. И уже через несколько минут она добежала до своего дома и оставила там ребёнка, а затем вернулась к пёстрому строению и, поколебавшись от силы пару минут, исчезла за его дверями.

Ведь ребёнок почти ничего не ел уже второй день, на дверь дома уже который месяц вешали листок с требованием оплатить счета и суммой долга, и отчаяние одолело молодую мать.

И уже вечером она вернулась домой с трясущимися ногами, большой банкой детской смеси в руках и упаковкой подгузников под мышкой.

Младенец, оставленный на кровати, уже не кричал: силы кончились. А мать дрожащими руками подняла его с кровати и поменяла ему старый подгузник, а затем сунула ему в розовый беззубый рот бутылочку.

Малыш пил жадно и никак не мог насытиться, а мать не могла оторвать взгляда от его крошечного красного личика.

Начав зарабатывать больше, Синги со временем смогла выплатить хотя бы часть долгов и оплатить счета. Она принимала клиентов в бордели недалеко от дома, оставляя маленького сына одного дома. В первые месяцы жизни Эрам кричал до хрипоты, но никто его не слышал. Мать не приходила, пока не заканчивался сеанс. Но она всегда прибегала в перерывах и кормила его несколько раз в день.

Со временем он перестал кричать, потому что на его голос никто не реагировал. Он просыпался и тихо играл с оставленными в кроватке игрушками, а потом приходила мать, и он получал свою порцию детской смеси, а потом и детского питания. И, конечно же, материнской ласки и восторга от его новых умений. В один день Синги пришла домой и увидела, что он научился держать головку. Спустя некоторое время обнаружила, что он, оставленный лежать на животе, перевернулся на спинку. В следующий раз он смог ползать, а в полгода попытался сесть, и у него получилось. В одиннадцать месяцев он встретил мать, стоя в кроватке и держась за её бортик. И тогда Синги начала бояться, что однажды он выпадет из своей колыбели, пока её нет дома. Но скоро бордель закрыли по указу Главы Ниталии, и тогда ей пришлось принимать клиентов на дому, чтобы оставаться на плаву. Она сумела более-менее обустроить дом, чтобы тот выглядел хоть немного привлекательным для клиентов. И в одной комнате находился ребёнок, уже учащийся ходить и говорить, а в другой Синги работала.

Эрам рос тихим и на редкость спокойным. Он никогда не разговаривал громко и не шумел, и клиенты даже не догадывались о его существовании. Зато он прекрасно слышал звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Но откуда ему было знать, что они означали, в годик и несколько месяцев?

Как-то пластмассовая игрушка раскололась у него в ручонках, и он порезался об неё. Сквозь слёзы он удивлённо посмотрел на свой пальчик, на котором увеличивалась круглая алая капля, и машинально сунул его себе в рот, посасывая странную на вкус жидкость и причмокивая губками.

Дверь не запиралась снаружи, но маленький Эрам никогда не пытался выйти из комнаты, пока в доме находился кто-то чужой. Его всегда пугало то, что происходит за стеной, и потому он пытался вжаться в самый дальний угол комнаты и поменьше шевелиться. Единственный человеком, которого Эрам не боялся, была его мать. Он с ранних лет научился не доверять окружающему миру и умел прятаться, словно дикий зверёк.

А Синги с нетерпением ждала минуты, когда клиент наденет обратно штаны и уйдёт прочь из её дома, а она сможет перейти в соседнюю комнату и приласкать своего малыша. Часто во время игры с ним или чтения ему вслух детских книжек у неё вдруг срывался голос,

а из глаз начинали течь крупные слёзы. Она роняла книжку или игрушку и закрывала лицо руками, сотрясаясь всем телом от беззвучных рыданий. И в один день Эрам тихо пролепетал:

— Мама пасет… — И погладил маленькой ладошкой её по рукам.

Тогда Синги отняла руки от лица и крепко обняла сына, прижала его к себе, шумно всхлипывая и жадно вдыхая сладкий и мягкий запах нежного детского тельца.

— Мой малышик... Мой котёнок, мой пирожок, мой носочек, мой носик и мои глазки!.. Прости меня... Прости меня, заинька!.. Мне так страшно!

Второй ребёнок

А потом Синги случайно забеременела от клиента. Она даже не знала, от кого именно. Когда сквозь пелену боли, вечного стыда и повседневных забот она наконец обратила внимание на изменения в своём теле, спохватилась и в панике побежала в больницу, было уже слишком поздно что-то делать. В ней уже почти четыре месяца рос новый человек.

Она пыталась спровоцировать выкидыш, но новый ребёнок внутри неё, пол которого она даже не знала, видимо, слишком хотел жить и крайне настойчиво боролся за своё право на существование под солнцем.

Когда беременность стала заметна, Синги пришлось прекратить принимать клиентов до тех пор, пока ребёнок не родится, благо средства на существование у неё были. А дальше... Она не знала, что делать с тем, кто жил у неё в утробе, дальше.

Эрам с интересом смотрел на день ото дня растущий мамин живот. Он не понимал, что это означает, но как-то, когда мать лежала на кровати и тяжело дышала, он подполз к ней и сел рядом, а затем спросил:

— Тут зивёт?

Конечно же, он имел в виду слово «живот», но, будучи малышом, которому всего два с половиной года от роду, он не сумел выговорить его правильно.

И Синги ответила потерянным голосом:

— Да, малыш. Живёт. Ты живёшь. Мама живёт. И тут живёт.

Тогда Эрам понял:

— Зивой?

— Живой, зайка.

— Кто там зивёт?

— Там? Там малыш.

— Малысь? Эям — малысь! — сообразил Эрам. Эту простую истину он уже знал.

— Да, родной. Ты малыш. И тут тоже малыш, — грустно ответила мать. — Он уже скоро родится.

— Ядися?

— Да, родится.

И так он узнал, что внутри у мамы жил малыш. Живой малыш, который скоро родится. Эрам не мог понять, что такое «родится», но чувствовал чужую жизнь, прикасаясь к большому животу Синги и иногда ощущая далёкие толчки — будто этот невиданный малыш отвечал ему из маминого тела и нетерпеливо ждал встречи с ним.

А когда у Синги начались схватки, она выронила из рук свой телефон и не смогла дойти до двери, чтобы запереть её на засов и не позволить Эраму увидеть то, что произойдёт. И, конечно, сын прибежал на её стоны и встал в дверном проёме. Когда мать ненадолго затихла, он осторожно подошёл к ней и протянул руку, чтобы погладить её по голове.

Но тут Синги истошно завопила, и он, напуганный, отошёл и забился в угол комнаты, не понимая, что происходит. Мама сейчас была похожа на монстра, издающего дикий, нечеловеческий вой. Он не узнал её, не узнал её искажённого адской болью лица. Но он не убежал, а так и остался сидеть в углу. И сидел неподвижно до тех пор, пока из тела мамы не вылезло что-то маленькое и грязное и не закричало незнакомым тонким голоском.

Это оказалась девочка. Эрам стоял рядом и наблюдал, как мама моет её в ванне, смывая с её крошечного красного тельца первородную смазку и кровь. И когда Синги отмыла её от всех естественных жидкостей, Эрам увидел, что это и правда малыш. Малышка — слово, которого он ещё не знал. У неё были карие глаза, нежный светлый пушок на головке и совершенно беззубый ротик. А ещё Эрам заметил, что её тело отличается от его тела. Чего-то не хватает.

— Малысь ядися? — наконец понял Эрам, но Синги ничего не ответила. Она купала новорождённую в тёплой воде, но взгляд её был пустым и безжизненным.

Эрам не отходил от сестры ни на минуту. Ни на шаг. Он смотрел, как мать меняет ей подгузники, кормит её грудью, переодевает и по вечерам купает, придерживая её головку. Он давал ей свои игрушки, и она крепко хватала их крохотными ручками. Ещё она часто громко кричала, но Эрам не боялся этих криков. Они были не такими страшными, как мамины стоны за стеной. Она была малышом, а это значило, что её не нужно было бояться. Эрам всегда очень хорошо понимал, кто опасен, а кто не причинит вреда.

Но одной ночью он проснулся от чего-то странного. Он поднялся с кровати и увидел мать, которая замерла над спящей малышкой, тяжело дыша, ежесекундно всхлипывая и роняя слёзы на подушку, плотно прижатую к личику сестры.

Он не понял, что происходит. Он вообще пока мало что понимал в этой жизни. Он не знал, что подушкой, на которой надо спать, можно убить человека — откуда ребёнку, которому нет ещё и трёх лет, знать такое? Но по позе матери, по её сбивчивому и тяжёлому дыханию, по тому, как она неподвижно застыла над новорождённой, он инстинктивно понял: мама делает что-то плохое. Было нечто, что его маленькое, ещё животное, дочеловеческое чутьё распознало как опасность. Его опыт был ограничен: розетки и провода, край кровати, кипяток, какая-то вонючая жидкость в стакане, незнакомые таблетки, которые нельзя трогать. Всё это называлось одним словом — «опасно». А когда было опасно, Синги кричала ему:

— Нельзя! Отойди!

Поэтому в ту же секунду Эрам неуклюже, но быстро подбежал к матери, пронзительно вопя и пытаясь вырвать подушку из её рук. Его тело отреагировало раньше, чем его стремительно развивающийся разум.

— Низя! Атади! — закричал он.

Синги удивлённо посмотрела на него, перестав давить на младенческое личико под слоем синтепона.

— Низя! Малысь! — заплакал Эрам, ручонками продолжая тянуть подушку на себя.

И тогда Синги, поняв, что творит, убрала подушку от лица девочки и отбросила её в сторону, а сама сползла на пол, давя истеричные рыдания, разрывающие грудь.

А Эрам подошёл к лежащей в кроватке младшей сестре и потрогал её расслабленное мягкое тельце.

— Малысик?

И тут она открыла свои карие глазки.

Почему-то Эрам сунул свой палец ей в ладошку, и она крепко сжала его в кулачке. Обычный рефлекс новорождённого, но Эрам запомнит его на всю жизнь. Конечно же, он не изучал детскую неврологию. Он тогда ещё не знал, что её крошечное тельце подчинялось законам эволюции, и если бы ей дал палец, к примеру, клиент матери, она бы точно так же сжала его, не разбираясь, кто перед ней.

— Сестиська...

Синги позволила этой крошечной девочке жить. Она не задушила её, не утопила в ванне, не ударила головкой об стену. И не отказалась от неё, как бы она её ни ненавидела. Потому что её двухлетний сын вцепился в подушку, чтобы спасти сестру.

А мир маленького Эрама рухнул, потому что его мама попыталась сделать плохо существу, которое когда-то жило у неё в животе и которое тоже было малышом. И с этих пор Эрам стал бояться своей матери.

Дети за стеной

Мать, снова начавшая работать, долго не хотела давать малышке имя, и тогда ей его дал Эрам. У него была любимая маленькая книжка с доброй сказкой про Птичку, которая летала с ветки на ветку и дружила с другими птичками. У неё были мама и папа, а ещё младший братик, которому она приносила червячков и разные интересные штуковины вроде бусин, монеток, пёрышек и хлебных крошек. Мать пыталась учить его читать, и он узнал, что по-нитальски «птичка» будет «siva», потому что в этой книжке, хоть она была и не на нитальском языке, согласно государственному стандарту присутствовали антилатинские вкрапления с их переводом на второй язык страны, наиболее употребляемый гражданами. Таким образом государство пыталось обучать детей антилатыни ещё с ранних лет.

И именно так Эрам и предложил Синги назвать уже способную стоять на ножках девочку. Мать лишь отмахнулась, но не ответила «нет».

Так долгое время безымянная девочка стала Сивой.

Дети росли, и оба были на удивление крепкими здоровьем. Они тихо сидели в своей комнате, пока мать за стеной обслуживала клиентов, а потом, когда те уходили, без сил лежала на кровати в наркотическом опьянении.

Наркотики она начала принимать, едва Сиве исполнился месяц от роду. Она не хотела начинать, но боль, чувство вины и стыд оказались сильнее. Она знала, что эти временные кайф и облегчение лишь ненадолго убирают все переживания и горести, которые потом, едва спадает пелена анестезии, возвращаются с удвоенной силой. Она ненавидела себя. Ей хотелось отключиться от всего, в том числе и от собственного разума, от собственной личности, которая тонула в бездне позора и секса. Может быть, ей даже хотелось умереть, потому что её дети не заслуживали расти с такой матерью. Она испортила не только свою жизнь, но и жизнь своих детей. Двоих детей.

Она никогда не обнимала Сиву и всегда отпихивала её в сторону, когда та пыталась к ней ластиться – а она росла на удивление ласковым ребёнком. За это Эрам, её маленький и ненаглядный Эрам, злился и обижался на неё, но она просто не могла смотреть на это дитя, рождённое от неизвестного клиента. Все клиенты были для Синги одинаковыми, и всех их она одинаково ненавидела, впрочем, при встрече умело играя роль страстной жрицы любви. Ведь от её настроя зависело, получит она свои деньги или нет. Сможет ли она купить своим детям, особенно Эраму, еды и игрушек, сможет ли оплатить счета и купить себе всевозможные средства для ухода за телом и парфюм, чтобы принять ещё больше клиентов и заработать ещё больше денег.

У Эрама всё лучше и лучше получалось присматривать за Сивой, кормить её с ложечки и утешать её, когда она капризничала. Забота о ней была для него почти инстинктом.

Сива никогда не плакала, когда брат был рядом, но стоило ему отойти, слёзы начинали литься у неё из глаз ручьями. Она с первых дней жизни всецело доверяла ему. Хоть и, конечно, она никаким образом не могла помнить, что когда ей было всего несколько дней от роду, он спас её от смерти. И что именно он дал ей имя — такое мягкое и нежное, под стать ей самой.

Сива тоже была девочкой, но её тело отличалось от тела матери. Значило ли это, что она не должна была делать то же, что и Синги? Значило ли это, что она чистая? И в какой-то момент Эрам пришёл к однозначному выводу: да. Иного ответа на эти вопросы и быть не могло.

Чем старше становился Эрам, тем больше отвращения он начинал испытывать от того, что каждый день происходило за стеной. Стоны и крики; звуки ударов и шлепков, а иногда и грохот опрокидываемых стульев; смех и томный голос, смысл которого он уже отчётливо понимал; цоканье маминых высоких каблуков; монотонный скрип кровати; постоянные грубые мужские голоса и порой проявляемая со стороны клиентов агрессия. Чаще всего мужчины

даже не знали, что в соседней комнате сидят двое маленьких детей. Или же им было попросту плевать, ведь они пришли за тем, что хотели получить, и не собирались отказываться от удовольствия. Детей они не трогали. Эрам не видел их лиц и их тел, не чувствовал их запаха. Не слышал их речи — иногда на антилатыни. И не хотел видеть, чувствовать и слышать.

Однажды, когда Сиве было уже три года, Эрам не успел её поймать, и она выскочила из комнаты, чтобы посмотреть, кто там пришёл к маме. Он хотел рвануть за ней, но что-то остановило его. Мерзкое ощущение тяжести и тошноты в желудке, головокружение, панический страх и вместе с этим предательское желание расплакаться, оставшись на месте и сжавшись в беспомощный комочек.

В коридоре Синги в чёрном кожаном костюме, ярко-красных чулках и туфлях на каблуках встречала очередного мужчину, которому, очевидно, не терпелось перейти к делу. Она горячо прижималась к его крепкому телу, но, заметив рядом дочь, оторвалась от клиента и оттолкнула её в сторону так, что маленькая девочка потеряла равновесие и упала на пол.

— Пошла вон отсюда! Иди, кому говорю! Прочь!

Но Сива сидела на полу и не двигалась с места, хлопая карими глазёнками. Тогда клиент подошёл к ней, обдав её запахом дешёвого одеколона, и достал из кармана что-то маленькое и яркое в хрустящей обёртке.

— На. Чего ты? Бери и чеши отсюда, козявка. Не мешайся тут.

Казалось, его нисколько не смутило, что в доме помимо него и жрицы любви находится ещё и как минимум один ребёнок. Поэтому внутренне Синги облегчённо выдохнула: деньги за свой час она получит. И в то же время ей стало до ужаса противно и гадко, однако она, как и обычно, проигнорировала это чувство. Другого выхода не было. Либо она принимает мужчин на дому, либо работает на честной, но нищей работе, ведь в стране официально запретили бордели. А работая официанткой или уборщицей без образования, она никак не сможет прокормить двоих маленьких детей и себя, и за неуплату счетов всех троих лишат жилья. Её вышвырнут на улицу, а детей заберут в детский дом.

Она с содроганием вспоминала годы, проведённые в его стенах.

А Сива уже протянула ручонку, чтобы взять конфету, но тут к ней подбежал Эрам, подхватил её на руки, не дав ей забрать угощение, и унёс в комнату.

— Пойдём со мной, — поспешила Синги сказать как можно более жарким голосом, увлекая мужчину за собой в комнату.

Прежде Эрам никогда не хватал её и не утаскивал вот так в комнату, и поэтому Сива испугалась. Уже собирающаяся захныкать, она вдруг увидела лицо брата перед собой.

— Блатик? Ты плачешь?

Но Эрам тут же вытер лицо рукавом и сказал:

— Не выходи из комнаты. Не ходи туда, когда там дяди.

— Почему?

— Потому что они плохие. Не ходи к ним.

И Сиве ничего не оставалось ничего, кроме как ответить:

— Холошо...

Она вздохнула и залезла на кровать.

— Хочу книжку. Почитай, блатик.

И здесь уже настала очередь Эрама говорить «хорошо».

— Про Птичку?

— Да!

И Эрам с начала начал читать ей ту самую книжку, из которой он когда-то взял имя для своей сестры.

— А сейчас будет пло бусинку!

— Да. «Птичка прыгала по дорожке и увидела, как что-то блестит. Это бусинка! Она голубая, прямо как Птичка».

— Вот бусинка! — Сива радостно ткнула пальчиком в знакомую до дыр картинку.

— «Моему братику она понравится. Отнесу её в гнездо! Вот Птенчик обрадуется!

Птичка взяла бусинку в лапки и полетела к своему дереву. Птенчик ждал её. “Спасибо, сестричка!” — сказал он. Я очень рад!»

— У птичек всё холошо? — неожиданно спросила Сива.

Эрам оторвался от книжки и посмотрел на сестру.

— Да, — ответил он. — У них всё хорошо.

— А у Элама холошо? У мамы холошо?

— Да. Всё хорошо.

— Блатик, я хочу кушать.

— Подожди. Когда дядя уйдёт, я тебя покормлю.

— Холошо...

— Будешь лапшу?

— Буду... Только чтобы не больно!

Из-за наркотиков Синги становилось всё хуже и хуже, и она почти никогда не готовила. Поэтому детям приходилось питаться лапшой и пюре быстрого приготовления. Эрам научился заливать их кипятком, но один раз по незнанию добавил в лапшу мясо с чесноком из пакетика. Едва попробовав блюдо, Сива замерла, а затем громко заплакала от невыносимого для ребёнка жжения во рту. Своим плачем она сорвала сеанс Синги с клиентом, и та ужасно разозлилась на неё.

— Не будет больно, — заверил Эрам сестру.

— Точно?

— Точно. Обещаю.

Когда клиент наконец ушёл и в доме стало тихо, Эрам и Сива вышли из комнаты и, минуя мамину спальню, прошли на кухню.

— Смотри, вот просто лапша, она не острая. А вот приправа. Она острая, её нельзя класть.

— Плиплава! Бяка! — возмутилась Сива. — Дай выкину!

Эрам дал ей пакетик, и она возмущённой походкой понесла его к мусорному ведру. А сам поставил чайник и затем, когда тот закипел, налил кипяток в картонную миску с твёрдой витиеватой лапшой.

— Отойди: горячо.

— Ой! — Сива отпрыгнула от миски и послушно встала поодаль.

Когда лапша немного остыла, Эрам дал Сиве вилку и придвинул к ней готовое блюдо.

— Ну как, не остро?

— Нет! Вкусно!

— Приятного аппетита, Сива. Не уколись вилкой.

— Спасибо, блатик! Я уже большая!

В комнате Синги протяжно застонала. Эрам тут же привычным движением закрыл ушки Сивы ладонями. Стоны перешли в сдавленные рыдания, которые чуткий слух Эрама улавливал мгновенно и безошибочно. Он мог только гадать, что видела и о чём думала мать в наркотическом бреду. Он уже прекрасно знал про наркотики. И всё время ходил за сестрой по пятам, чтобы та из любопытства не тронула оставленные тут и там шприцы, таблетки и прозрачные пакетики с порошками. Он знал, как меняется мать, которая их принимает, как стекленеет её взгляд и какую околесицу она начинает говорить, и не хотел, чтобы с его ненаглядной, самой дорогой и любимой на свете Сивой происходило то же самое.

Смерть

— Братик, я тебя люблю! — впервые сказала Сива, когда ей исполнилось четыре года.

Эрам поражался, откуда у неё силы и желание говорить нечто подобное. Она жила в сущем аду. Ей почти нечего было есть. Несколько раз Эрам уже бегал в разные магазины и убегал оттуда, набив еды за пазуху и набрав полные карманы конфет для сестры. Пару раз его чуть не поймали охранники, но он ловко ускользнул от их хватки и прибежал домой с продуктами. Теперь пропитание для семьи добывал он.

Не так давно один из клиентов взломал замок и зашёл в дом без разрешения. Проигнорировав детей, которые мигом поспешили спрятаться у себя, он направился прямиком в знакомую ему комнату.

Это была уже не проституция. Ведь зачем платить Синги деньги, если ей больше нет до них дела? Зачем, если клиент «случайно» забывает заплатить ей за час, а она даже не обращает на это внимания и уже через час вовсе не помнит, что к ней сегодня кто-то приходил?

Синги сдавленно стонала и всхлипывала за стеной, мужчина неистовствовал, а Эрам, бледный, как покойник, до боли сжимал ушки Сивы и жмурился, уткнувшись носом в пшеничную головку сестры. От её светлых волос пахло чем-то нежным и мягким, хотя их уже довольно давно никто не мыл, потому что воду отключили за неуплату счетов.

— Братик, больно!.. У меня голова сейчас лопнет!

Но Эрам не ослаблял хватку. И тогда Сива погладила его по рукам ладошками.

— Отпусти. Мне не страшно. Ты же рядом.

И Эрам послушался. Тогда Сива крепко обняла его, и он прижал её к себе.

— У меня уши горят, — тихо посмеялась она ему в грудь, и сквозь ткань кофты он ощутил её нежный носик и тёплое дыхание.

Они сидели, прижавшись друг к другу, пока клиент, которого уже нельзя было назвать клиентом, не ушёл. В доме стало тихо. И тогда Сива выбралась из объятий брата и пошла к матери. Почти на цыпочках она пробралась в её комнату.

Синги пластом лежала на кровати, не успев прикрыться.

— Мамочка, тебе больно?

Сива подошла к ней и мягко погладила её по голове. Но Синги собрала последние силы, чтобы отвернуться от дочери и нечеловеческим голосом истошно завыть:

— Убери её от меня!!! Убери-и-и-и-и-и-и!!!

Испугавшись, Сива побежала прочь и в коридоре столкнулась с братом.

— Братик!

Эрам прижал её к себе, и она зарыдала ему в грудь.

— Прости! Прости, я не хотела! Я не хотела делать мамочке больно!!!

Её плач вторил истеричным рыданиям матери.

— Ты не виновата, — сказал ей Эрам. — Ты ничего плохого не сделала.

Он взял её за руку, увёл в комнату и закрыл за собой дверь, заперев её на щеколду. Плача, Сива повалилась на кровать, и он лёг рядом с ней.

— Братик, я плохо себя вела? Я плохая? — захлёбываясь слезами, спросила она.

— Нет. Ты очень хорошая. Самая лучшая на свете.

— Правда?

— Конечно. Ты ни в чём не виновата. Ты мне веришь?

Сива всхлипнула и кивнула, не поднимая головы с кровати.

— Верю. — Она вытерла кулачком глаза.

Эрам прижал её к себе, и она понемногу начала успокаиваться.

Мужчины не всегда приходили поодиночке. Иногда их было двое, трое или даже четверо. Эрам определял их число по голосам и даже по шагам. Порой он даже мог вспомнить имена некоторых из них.

Синги понимала, что скоро покинет этот мир. Ей уже было плевать на практически ежедневные визиты, большую часть из которых она даже не помнила. Она не сопротивлялась и не издавала ни звука. Она ничего не чувствовала. Но умирать ей не хотелось, ведь она всё ещё помнила, что у неё есть дети. Там, за стеной, сидящие на кровати с продавленным матрасом. Некормленые и нечёсаные, грязные, напуганные и закрывающие уши дети. Однако порошки, таблетки и шприцы вместе со всевозможными венерическими заболеваниями уже выиграли. Они одержали победу ещё с самого начала. Ей не стоило начинать.

Иногда она вспоминала своё детство и не понимала, когда ей жилось хуже: сейчас или тогда? У неё не находилось сил размышлять об этом. В раздумьях и воспоминаниях больше не было смысла.

За неделю до своей смерти, она, всё так же лёжа на кровати и не вставая уже который день, позвала сына к себе. Эрам, который шёл на кухню, чтобы поесть, сначала не хотел слушаться, но было нечто в голосе матери, что заставило его зайти в комнату.

— Прости меня, Эрам. Я скоро уйду. Ты и сам это видишь. Прости меня, мой сыночек... Я не хочу... Я так не хочу...

И Эрам сказал:

— А у Сивы ты не попросишь прощения?

И тогда Синги горько заплакала, закрыв лицо руками. Казалось, её слёзы были единственной чистой вещью в этой комнате. Эрам был прав. Он был до ужаса прав.

И перед самой своей смертью Синги в бреду позвала дочь. Та робко пришла к ней и встала рядом, не зная, что делать.

— Доченька... Иди сюда. Ложись ко мне.

Сива послушалась, и тогда мать крепко прижала её к себе. Она отчаянно хваталась за дочь, как утопающий хватается за соломинку. Она обнимала Сиву, будто желая передать ей свои последние силы, отдать свою жизнь её тельцу.

— Прости меня, моё солнышко...

— Мамочка, ты сильно давишь, — пожаловалась Сива, слабо брыкаясь и лёжа под грузом умирающих рук.

Но мать целовала и обнимала дочь, рыдая в агонии.

А Эрам молча стоял в дверном проёме.

Через несколько минут Синги умерла. Был конец июля. Жара на улице и в доме. Не самые лучшие условия для трупа.

— Мама? — позвала Сива, почувствовав, что мать перестала хватать и прижимать её к себе.

Эрам сполз на пол и обхватил колени руками, а Сива придвинулась к матери вплотную и положила голову ей на грудь.

— Тук-тук... Тук-тук... Нету тук-тук. Почему нету?

Несколько дней Эрам почти не мог оттащить её от тела матери. Он кормил её, пока она лежала рядом с трупом, и каждый раз подолгу уговаривал сходить хотя бы в туалет.

Уже начал идти нехороший запах, но Сива не реагировала ни на него, ни на прочую вонь, заполнившую комнату. Ведь впервые в жизни мать не отталкивала её в сторону.

Но в один день входная дверь, которую больше нельзя было запереть, открылась, и вошли двое мужчин.

— Прячься! — шепнул Эрам сестре, и они вдвоём залезли под кровать.

— Это они? Те плохие дяди? — спросила Сива.

— Тише.

Вошедшие в дом принюхались, стоя на пороге.

— Чем это так несёт?

— А по-моему, ясно, чем.

— Вот дерьмо.

Они зашли в комнату, и один из них присвистнул.

— Вот же зараза. Слушай, об этом надо сообщить.

— А ну цыц. Перед полицией решил выслужиться? Уходим — и рот держим на замке.

— Но у неё есть дети. Подумай.

— Уверен? — мужчина на секунду заколебался.

— Да. Я видел их. Двое. Ещё малые. Как... Как щенята.

— Да ладно, не парься ты так за них. Кто-нибудь да найдёт их. И отошлёт куда надо. Такие вещи нельзя не заметить... и не унюхать. Твою мать, — сплюнул он на пол, — меня уже рыгать тянет. Пошли отсюда. Нечего с этим дерьмом связываться. Нас же крайними и сделают.

И они ушли, оставив Эрама и Сиву наедине с мёртвым телом.

И тогда Эрам выбрался из-под кровати и, не дожидаясь Сиву, пошёл в коридор и взял старый кожаный рюкзак матери. С кухни он набрал в него всю немногую оставшуюся еду вроде консервов и хлеба. Затем, подумав, зашёл в комнату и уложил в рюкзак ещё и две пары трусов, немного одежды, расчёску, несколько резинок для волос и книжку про Птичку.

— Братик?

— Одевайся.

— Куда мы идём?

Эрам задумался. Он ведь и сам не знал, куда они идут.

— Потом решим. Главное — одевайся.

— Хорошо...

Сива послушно надела старые штанишки Эрама, из которых он уже вырос, и натянула его футболку. Эрам тоже оделся.

Мать всегда говорила ему, что в детском доме очень плохо. А если их найдёт полиция, то непременно отправит их туда — он это хорошо знал. Значит, нужно постараться не попасть туда любой ценой.

Они вышли на улицу, и Эрам глубоко вдохнул чистый, свежий, пусть и горячий воздух.

— А мамочка не придёт за нами?

— Не придёт.

— Она... умерла? — Сива тихо и робко выговорила самое страшное на свете слово.

— Да.

— Это всё из-за них?

— Да.

И Сива заплакала навзрыд.

Она плакала по матери ещё несколько дней, сначала — почти каждый час, а потом — всё реже и реже. А вскоре отошла и даже как будто забыла о том, что у неё была мать, однако стала ещё больше цепляться за брата.

Дети улицы

Так Эрам и Сива начали жить на улице. Стояло знойное лето, иногда прерывавшееся прохладными дождями. В сырую погоду дети прятались в обветшалых заброшенных одноэтажных домах, ночуя на немногих вещах, взятых с собой.

Эрам быстро загорел, постоянно находясь на солнце. Бегать по улицам с украденной едой за пазухой и конфетами в карманах для него уже давно стало обычным делом. Скоро они с Сивой изучили каждый закоулок в районах поблизости. Эрам воровал разные продукты с рынка. Однако не всегда ему удавалось благополучно убежать с краденой буханкой хлеба. Когда его поймали во второй раз и пригрозили сдать полиции, он стал избегать этого места.

Сива обычно ждала его где-нибудь поблизости, прячась в укромном местечке, где никто не смог бы её найти.

Порой Эраму удавалось выпросить немного денег или упаковку хлеба у прохожих. Здесь приходилось полагаться только на удачу и давить на жалость, рассказывая истории о том, как отец пропал и больше не возвращался, а мать тяжело болеет дома. Некоторые сердобольные девушки совали ему купюры, на которые можно было купить хлеба на неделю, и тогда воровать не приходилось, хотя Эраму не особо хотелось показываться в магазинах. Некоторые совали ему одну-две конфетки, и Эрам отдавал их Сиве. Кто-то швырял пару монет и молча проходил мимо. Кто-то просто игнорировал. А кто-то замахивался сумкой или даже ногой и словами: «Брысь отсюда, шпана!» — и тогда приходилось убегать. У Эрама были быстрые ноги, и они не раз выручали его.

По вечерам они прятались в развалинах и заброшенных домах и там ели украденную пищу, а затем Эрам доставал из рюкзака расчёску и резинки и заплетал из жиденьких волос сестры две косички.

— Я теперь красивая? — спрашивала она.

— Очень красивая. Твои косы как пшеница.

— А из пшеницы делают хлеб, да?

— Да.

— Жалко, что из моих косичек сделать его нельзя...

Часто Эрам читал ей вслух уже зачитанную до дыр милую историю, где у всех Птичек всё было хорошо.

Он всегда чутко следил за обстановкой, ни на секунду не теряя бдительности. Он видел разноцветные объявления на стенах домов, сделанные при помощи трафаретов – наркотики, конечно же. Он видел шумные компании, курящие на скамейках и шатающиеся по заброшенным домам и прочим укромным углам — как и он с Сивой. Он вслушивался в каждый звук, в каждый резкий крик на улице и, заподозрив неладное, хватал сестру и уходил с ней прочь, прячась под покровом сумерек или глубокой ночи.

Он иногда заходил в подъезды вместе с людьми, открывавшими двери ключом, и стучался в двери разных квартир. Точно так же он давил на жалость рассказами о тяжёлой болезни матери и выпрашивал деньги или пропитание. Кто-то прогонял его, а кто-то давал ему деньги или даже домашнюю еду.

Временами он выхватывал пакеты с продуктами у зазевавшихся прохожих и убегал с ними прочь. Часто там находились самые разные товары, как чрезвычайно вкусные, так и откровенно бесполезные: сырой картофель, маринованное мясо, банки сметаны, пирожные, сыр и колбаса, хлеб, овощи и фрукты, горошек и кукуруза в жестяных банках. Как-то ему попался странный сыр, покрытый слоем чего-то белого и мягкого. Пахло от него так же, как когда-то пахло дома в ванной комнате: сыростью. Понюхав этот сыр, Сива скривила лицо, и Эрам с отвращением откинул продукт в сторону.

В городе было много домов и много квартир, поэтому день за днём Эраму и Сиве удавалось перебиваться и почти даже не голодать. Конечно, выдавались и дни, когда у Эрама не получалось ничего добыть, но случались они не так часто.

Сива, казалось, совсем забыла о матери. Она больше не плакала и всегда радовалась, когда брат возвращался с «охоты» с едой, а иногда и горсткой конфет.

— Мой братик самый лучший! — смеялась она, сидя в какой-нибудь грязной развалине на вонючем тряпье, найденном на помойке, и разворачивая пёструю обёртку мармеладной конфеты.

А Эрам часто вспоминал мать. Он не понимал, скучает ли по ней, или же ему всё равно. Она любила его и всегда старалась приласкать, а Сиву каждый раз грубо и с бранью отпихивала. Эрам не мог ей этого простить. Но, вспоминая, как после каждого полового акта она пластом лежала на кровати и порой измождённым голосом звала его к себе, он чувствовал нечто наподобие жалости. Клиенты однозначно были плохими. А мама? Была ли плохой она? Почему она это делала? Почему они с ней это делали?

Она любила его, а Сиву пыталась убить. Она отдавала ему лучшее, а Сиве не давала ничего. Но ведь Сива была такой маленькой и беззащитной. Она упорно шла к ней ласкаться, даже зная, что мать непременно её оттолкнёт. Любовь в её сердечке никогда не иссякала.

Мать принимала наркотики, которые погубили её и заставили её детей сбежать на улицу. Мать работала проституткой и каждый день приводила в дом наглых и похотливых мужчин, от чьих голосов у Эрама мороз бегал по коже.

Иногда они с Сивой садились на скамейку в парке и смотрели на прохожих. Мимо шли самые разные люди. От них хорошо пахло — гелем для душа, дорогими духами. От них не пахло похотью и сексом, как от матери. И одеты они были не так, как мать.

Это были взрослые мужчины, на которых Эрам старался не смотреть. Когда они проходили мимо, он крепче прижимал к себе сестру.

Это были пожилые женщины, выгуливающие собак. Как-то одна из таких собак подбежала к Сиве и лизнула её в ладонь. Девочка тут же отдёрнула руку, а затем протянула её обратно, чтобы погладить животное. Она успела ощутить мягкую и пушистую шерсть на тёплой собачьей голове. Но Эрам строго одёрнул сестру:

— Не трогай.

Хозяйка потянула поводок, заставляя свою собаку оставить детей в покое, и пошла дальше, предварительно задержав на Эраме и Сиве внимательный взгляд, но не сказав ни слова.

Мало кто хотел связываться. Как поступали люди в основном? Видели двоих оборванных и грязных детей, становящихся грязнее день ото дня, но ничего не делали, а просто проходили мимо. Надеялись, что этим займётся кто-то другой. Кто-то, у кого больше времени. Кто-то, у кого меньше проблем в собственной жизни. В конце концов, кто-то, кто обязан заниматься такими вещами по профессии.

Эрам и Сива видели самых разных людей, но больше всего их удивляли влюблённые парочки и семьи с детьми.

Парни и девушки сидели на скамейках и целомудренно обнимали друг друга, а иногда целовались, но совсем не так, как мать целовалась с клиентами. Да и девушки по внешнему виду вовсе не походили на проституток. Их голоса были звонкими и смешливыми. Их одежда было скромной, в мягких цветах. Они мило щебетали о самых разных вещах, словно пташки на ветках. А парни никогда не лапали их за груди и бёдра, не пытались залезть им под юбки и не говорили им грязных слов.

От семей с детьми Эрам и Сива — оба! — и вовсе не могли оторвать глаз. Это были мамы и папы, ведущие за руку своих маленьких чад. Родители разговаривали о чём-то обыденном и милом, а дети весело прыгали рядом или ехали впереди на самокатах, заливисто хохоча и

обгоняя друг друга. Иногда они падали и начинали плакать, и тогда родители подбегали к ним и начинали их успокаивать, дуть на свежие ссадины и утешать малышей мороженым.

Эрам и Сива никогда не пробовали мороженое, но Эрам из книжек знал, что оно холодное и сладкое.

Подумать только. У них с Сивой могла бы быть совершенно другая жизнь. Эти дети в парке ни разу не слышали, как за стеной четверо здоровенных мужиков овладевают их матерью. Эти дети не знали слов «проституция», «секс» и «наркотики». Эти дети думали, что малышей заказывают через интернет или находят в магазинах. Эти дети никогда не чувствовали запаха гниющей человеческой плоти.

Они наблюдали за детьми на детских площадках. Один раз, завидя их, те попытались было подойти к ним, чтобы познакомиться. Сива радостно побежала к ним навстречу, но Эрам стремительно догнал её и увёл у них из-под носа, а затем, крепко взяв её за руку, убежал прочь вместе с ней.

— Фу! — Одна девочка заткнула нос. — Это от них так пахнет? Как от мусорки!

— Ага! Они что, ни разу в жизни не мылись?

— Грязные такие! Как... как бомжары!

— Не то слово!

Бабульки, сидевшие на скамейке и наблюдавшие за детьми, тихо покачали головой:

— Бедные детишки... Слушай, ты не знаешь, куда они побежали?

— Не-а.

— Надо бы в полицию сообщить о них, а то что ж это такое... Пропадут они, малыши такие. Пошли? Хоть приметы скажем, уже лучше.

В один вечер Эрам заметил, что за окном многоквартирного дома на первом этаже ребёнок его возраста смотрит какой-то мультфильм по телевизору. Тогда он подозвал Сиву и помог ей забраться на растущее около окна дерево, чтобы ей было лучше видно.

Там мелькала заставка какого-то красочного сериала про детей-супергероев, спасающих город от хулиганов.

— Ура! — обрадовалась Сива. — Мультики!

И с тех пор она часто просила брата:

— А пойдём мультики смотреть!

Эрам по часам на стене соседнего дома понял, что этот мультик начинается в шесть вечера, но не каждый день, а только по выходным. Однако всякий день, когда удавалось посмотреть супергероев, был для Сивы как праздник. На лице у неё расплывалась широкая улыбка. Она доставала конфеты из кармана и ела их, болтая ногами и внимательно глядя на совершенно беззвучный экран.

Как-то, спустя месяц жизни на улице, Сива начала жаловаться, что у неё чешется голова, и Эрам заметил, что у неё завелись вши. Скоро у него и самого в волосах начали прыгать эти мелкие насекомые. Помыться им было негде, лечиться тоже было нечем, не у кого было попросить помощи, поэтому приходилось мириться с новым неудобством.

Их одежда очень скоро совсем запачкалась, особенно вещи Эрама — от постоянной беготни и грязи. Тело зудело, чесалась блохастая голова, но решить эту проблему было невозможно. Эрам устал от постоянной беготни, но в детский дом ему по-прежнему не хотелось. Ведь мать всегда рассказывала, как ужасно там живётся. Наверняка гораздо ужснее, чем на улице. Здесь их хотя бы никто не трогает. Они живут сами по себе.

Они с Сивой, никому не нужные и брошенные на произвол судьбы, были одни во всём мире. Необъятном и невероятно страшном мире, где опасность могла поджидать на каждом углу.

И Эрам не знал, сколько они с сестрой ещё продержатся.

Полицейский

Тем временем осень медленно вступала в свои права. На улице холодало с каждым днём. Всё чаще стали идти дожди. Задул промозглый ветер, пробирающийся под одежду. Эрам и Сива надевали всё, что у них было. На одной помойке Эрам нашёл дряхлый мужской свитер, на другой — старую женскую куртку. Куртку он отдал сестре, а свитер стал носить сам.

Сиве нужно было где-то укрываться от холода, но Эрам слишком боялся оставлять её одну в убежище, а подвалы запирались, так что в них невозможно было забраться и согреться.

Так жить было нельзя. Дети, которым шесть лет и четыре года, не имеют ни малейшего шанса пережить холодную зиму и остаться незамеченными. Эрам уже донельзя устал постоянно прятаться и красть у людей еду, убегать от агрессивных прохожих, голодать, чесаться от грязи и вшей и беспокоиться о завтрашнем дне.

Завтрашний день. Завтрашнее дно.

А Сива была готова делать всё, что бы он ни велел ей и о чём бы ни попросил. Каждый день, просыпаясь, она улыбалась брату и говорила, что любит его.

— Мне так хорошо с тобой. Ты самый лучший братик на свете.

Эрам прижимал её к себе, чувствуя, как в горле встаёт болезненный ком. От сестры всё ещё пахло чем-то детским и мягким, несмотря на вшей и полную антисанитарию. Или, может, ему просто так казалось, но, обняв Сиву, он подолгу не отпускал её и крепко сжимал её худое тельце.

Ей ничего не было нужно, кроме компании старшего брата. А если Эраму удавалось достать для неё конфеты, то она вообще становилась счастливее солнца.

Он понятия не имел, где прятаться, когда настанет зима, когда ударят двадцатиградусные морозы и снег начнёт заметать в разбитые окна заброшенного дома. А если его снесут?

Но идти в детский дом, где жизнь хуже всего на свете...

Эрам не знал, что делать.

В начале ноября, во время очередного серого и промозглого дня, когда с неба впервые стал срываться мелкий снежок, тающий на земле при температуре в десять градусов выше нуля, Сива начала кашлять.

Началась её простуда с небольшого и редкого кашля, но постепенно к нему добавились жуткий насморк, слабость в теле, а скоро — и температура. Уже через несколько дней Сива совсем слегла. Её трясло так, что она не могла выговорить ни слова, щёки у неё пылали, а глаза горели лихорадочным огнём. Она ни на что не жаловалась, но угасала с каждым днём.

Эрам не покидал её ни на минуту. Они доели всё, что он ухитрился украсть у одной медлительной старушки несколько дней назад, и больше ничего не ели уже два дня.

Эрам держал сестру, закутанную в дряхлую куртку, на руках, сидя в дырявой развалине.

— Братик... Я хочу кушать... — слабо выговорила Сива.

Ей нужно было что-то горячее. И что-то съедобное. Эрам ощупал свои карманы и нашёл там всего пару монет, оставшихся ещё с тех пор, как один добродушный старичок подал ему на хлеб.

— Жди меня здесь, — сказал он, прекрасно зная, что сестра и так никуда не уйдёт.

Он вышел из убежища. Люди вокруг сторонились его. Он пробежал сотню метров от убежища и добежал до ларька у дороги, где продавали чай, кофе и закуски. Там стояла какая-то женщина и заказывала чай. Эрам подкрался к ней, чтобы выхватить стаканчик у неё из рук, но она заметила его.

— Малыш, ты потерялся? Что за свитер на тебе?

— Это папин свитер, — привычно соврал Эрам.

— А папа где?

— Его нет.

— А мама?

— Дома, она болеет. Ей холодно. Ей нужен горячий чай.

— Чай? Мальчик, а где живёт твоя мама?

Эрам сделал шаг назад.

— Может, ей нужно в больницу?

Эрам отступил ещё.

— У тебя нет мамы, да? — догадалась женщина. — И дома тоже нет? Давай я сейчас отведу тебя к дяде-полицейскому, он тебе поможет.

Женщина попыталась взять Эрама за руку, но он сорвался и побежал прочь.

Он не мог знать, что за ним уже не в первый раз кто-то наблюдал.

Заметив уже виденную ранее низкую фигурку в непомерно большом свитере, с головой выдающем маленького беспризорника, полицейский сосредоточился и тут же поспешил за ребёнком. В прошлый раз он упустил его из виду, но на этот раз он ни за что сведёт с него глаз и проследит, куда он пойдёт.

Около трёх месяцев назад полиция обнаружила в доме труп женщины. Сотрудники приехали, когда кто-то, проходя мимо по улице, обратился к ним с жалобой на запах — сладковатый, самый ужасный на свете запах, который ни с чем нельзя спутать.

Женщина, которая была проституткой. Следы изнасилований. Множество самых разных венерических заболеваний. Замок на двери взломан, но никто не мог сказать, когда это произошло. Неужели никто не слышал?

Тем, кто слышал, не хотелось лезть в дела проститутки. У них и своих проблем было по горло, а тут ещё и пришлось бы разбираться с полицией и давать показания. Да и район был далеко не самым благополучным, поэтому неудивительно, что никто не вызвал полицию на помощь падшей женщине.

Труп. Детские игрушки в соседней комнате. Дети на улице, о которых, между прочим, не так давно сообщили в полицию две пенсионерки. Всё сошлось.

Эрам бежал, не оглядываясь по сторонам и не думая ни о чём и ни о ком на свете, кроме чая и пирожка в руках и маленькой больной сестрёнки, пластом лежащей в заброшенном доме в жару и бреду.

Полицейский поспешил за Эрамом, держа дистанцию, чтобы тот его не заметил. И скоро понял, что мальчишка бежит в сторону заброшенного дома. Укрывшись так, чтобы его не было видно, полицейский подобрался к развалине и увидел, как маленький ребёнок, не заподозрив слежки, скрылся внутри.

На днях он уже опросил нескольких человек. Кто-то заявил, что никакого ребёнка в драном свитере не по возрасту он не видел. Другая ответила, что не уверена, он ли это, но несколько дней какой-то ребёнок выхватил у неё пакет с продуктами, да так быстро, что она только опомнилась, а он уже исчез за углом дома.

— Мне-то это продуктов не жалко, — сказала она. — А вот мальчонку жаль. Вы его найдите, а то, говорят, скоро уже морозы начнутся...

А те пенсионерки сообщили, что видели на детской площадке двоих детей: мальчика и девочку детсадовского возраста.

— Они шустрые такие. Внучата мои тут играли и с ними подружиться хотели, а они — юрк! — и уже нету их. Грязные такие, все чумазые, как поросята. Бездомные, скорее всего.

— Вы знаете что-нибудь об их семье? — спросил полицейский.

— Это сказать никак не могу, уж простите. Всего раз их видела. Но они явно одни были. Ему лет шесть, а ей вообще годика четыре. Маленькие совсем.

А молодая девушка вспомнила, что к ней ещё пару месяцев назад подходил маленький мальчик и просил дать ему хлеба или немного денег.

— Он сказал, что папа у него куда-то пропал, а мама дома болеет.

А Эрам тем временем забрался в убежище и сразу же бросился к сестре.

— Братик... — тихо прошептала Сива и впервые не улыбнулась.

— Прости, — задыхаясь, сказал Эрам. — Я ничего тебе не принёс.

Но Сива не отреагировала. Мутными глазами она смотрела на лицо брата перед собой и не видела его.

— Мамочка... — еле слышно проговорила она. — Тебе больно? Плохие дяди опять пришли...

Эрам задрожал.

— Мамочка, вернись ко мне...

Тут Сива медленно закрыла глазки и замолчала.

— Сива, — позвал её брат. — Сива.

Но она уже не слышала его голоса.

Эрам обнял её и стал мерно покачивать её ослабевшее тельце. В голове у него не было ни одной мысли. В этот момент он целиком и полностью превратился в глаза, неотрывно глядящие на пылающее личико сестры и на её обжигающе горячий лоб.

И в эту самую секунду послышались шаги — сначала тихо, а потом всё отчётливее и отчётливее. Но Эрам не поднимал головы и не отрывал взгляда от сестры. Он услышал, как раздался слабый стук в ветхую дверь без замка. Как она затем открылась. Как порыв ветра и незнакомый запах ворвались в помещение, если, конечно, эту развалину можно было назвать помещением. Как шаги раздались уже на полу убежища и наконец затихли в пяти шагах от детей.

И тогда Эрам посмотрел на вошедшего.

Перед ними стоял полицейский. Как полагается, в форме, с рацией и с дубинкой на поясе. Он тихо закрыл за собой дверь, а затем сел на одно колено, прямо на грязный пол, не пожалев форменных брюк и не проронив ни слова.

Эрам следил за каждым его движением. В течение некоторого времени полицейский ничего не говорил и не делал. Просто сидел, глядя то по сторонам, то на съёжившихся от холода и голода маленьких детей. А потом, когда молчание стало невыносимым, произнёс негромко:

— А малышка болеет.

Эрам крепче прижал забывшуюся сестру к себе.

Полицейский снова заговорил:

— Ты, наверное, знаешь, куда отвозят детей, у которых нет ни родителей, ни дома.

Эрам молчал. Конечно, он знал. Прекрасно знал.

— Твоей сестричке нужен врач.

Эрам не шевелился.

— Её можно вылечить. А потом вы будете жить в детском доме. Вместе. Бок о бок. Там не надо прятаться от людей и красть у них еду. Вас будут кормить каждый день завтраком, обедом и ужином. Вы сможете спать на мягких и чистых кроватях с подушками и одеялами. Там будет тепло и сухо. Вам дадут чистую одежду, которая подойдёт по размеру. Вы сможете играть с игрушками, как и полагается детям.

Полицейский подобрался чуть ближе, но Эрам не сдвинулся с места.

— Я знаю, что ты мне не веришь. У тебя нет причин мне верить. И всё же... Дальше так жить нельзя. Скоро станет совсем холодно. Дети не должны жить на улице. И малышке очень плохо. Вы не сможете всю зиму сидеть здесь.

Полицейский немного помолчал.

— У меня дома есть сынок. Чуть-чуть старше тебя. Уже в школу ходит. Скажи, ты хочешь ходить в школу?

Эрам имел очень смутные представления о школе, но задавать вопросов не стал.

А полицейский протянул руку.

— Пойдём, малыш. Всё будет хорошо.

Эрам посмотрел на его большую, крепкую и невыносимо чистую ладонь. На его глаза, в которых не было пелены алкогольного и наркотического опьянения, не было одержимости сексом. Наверное, этот человек никогда и не ходил к проституткам. У него дома есть ребёнок. И он отец этому мальчишке. У Эрама и Сивы нет отца. А ещё, наверное, женщина... как такая женщина называется? Жена? Точно, жена. Эрам знал: это когда любят друг друга и потом играют свадьбу. Значит, это хорошо. А мама никогда не играла свадьбу. Она не была ничьей женой.

Эрам страшно устал. Но свою собственную руку он протянул к руке полицейского не поэтому.

— Обещаете... что её вылечат?

— Обещаю, малыш.

Малыш.

— Она не умрёт, — заверил его полицейский.

И тогда Эрам взял его за руку. А полицейский безо всякой брезгливости слегка сжал маленькую, грязную, липкую детскую ручку.

— Позволь мне взять твою сестрёнку.

Поколебавшись, Эрам освободил свою хватку и позволил полицейскому забрать у него сестру и осторожно устроить её у себя на руках.

— Пойдём?

Эрам бросил последний взгляд на рюкзак, где лежали расчёска и книжка про Птичку. И отвернулся от них к сестре, которая слабо открыла глазки на руках у чужого человека.

Втроём они вышли из развалины, а книжка и рюкзак остались лежать на грязном полу.

Пока полицейский нёс Сиву к машине, Эрам не сводил с неё глаз. А потом мужчина положил Сиву на заднее сиденье, а Эрама пристегнул ремнями безопасности.

— Это чтобы ты не пострадал при поездке. Смотри, вот так его можно расстегнуть. Но расстёгивай, только когда приедем.

И сам сел на место водителя.

Сива положила головку Эраму на колени, и тот погладил её по волосам, заплетённым в две растрёпанные косички. И они поехали. Полицейский вёл машину плавно и медленно.

— Как тебя зовут? — спросил он, глядя на детей в зеркало заднего вида.

— Эрам, — тихо ответил Эрам.

И тут, неожиданно для самого себя, добавил:

— Эрам Фостер.

Он уже почти и забыл, что у него есть фамилия. Мамина фамилия.

А Сива тут же приподняла головку и сказала:

— А меня — Сива...

Полицейский улыбнулся.

— Красивые у вас имена, малыши. Eram te siva[3]. (Море и птица)

Эрам смотрел в окно, узнавая знакомые улицы. Он не знал, что делать и что говорить. Но рядом с ним была его сестра — пусть не совсем здоровая, но живая и такая родная, такая любимая. Самая любимая на всём белом свете. Она улыбалась своему Старшему Брату. И Эрам понял, что это самое главное.

[3] Море и птица (антилат.)

Больница

Эрама и Сиву сразу же положили в больницу. Их нужно было отмыть, переодеть, накормить, вылечить и избавить от вшей. Они с непривычкой надели новые и чистые вещи. Они жадно ели завтраки, обеды и ужины, подаваемые в больничной столовой. В их палаты было две койки, но они вдвоём ютились на одной, лежа в обнимку — переплетённые руки и ноги, нос к носу, лоб ко лбу, две пары серых и карих глаз, неотрывно смотрящих друг на друга. Их никто не пытался разделить, и они всё делали вместе. Вместе ели, вместе ходили по коридору и изучали всё вокруг, даже купаться ходили вместе.

Скоро вшей вывели, а волосы отмыли, причесали и подстригли. Детей подвели к зеркалу, и те с удивлением увидели новых себя — чистых, с аккуратными причёсками, в новых вещах.

— Какие мы красивые! — восторженно сказала Сива, крутясь перед зеркалом и особенно любуясь разноцветными резиночками, которыми ей перевязали косички. — И мы вкусно пахнем!

Она смеялась от счастья.

В больнице лежали и другие дети, и Сива быстро с ними познакомилась. Эрам не оставлял её ни на минуту, следя за тем, чтобы никто не причинил ей вреда. Сам он в основном молчал и присматривался к ребятам, наблюдал за их играми.

Как-то мальчик на костылях, которому было лет восемь, поделился с ним своими машинками и игрушечными роботами.

— Смотри: это Светобот, мне его мама купила. Он светится и играет музыку. Хочешь с ним поиграть?

Эрам взял робота в руки и нажал на кнопочку у него на груди. Его глаза засветились, а из динамика — Эрам заметил: несколько отверстий в корпусе игрушки — полилась какая-то супергеройская музыка. Эрам повертел игрушку в руках, оглядывая её с разных сторон, сгибая ей пластмассовые руки и ноги, поворачивая голову.

— Не хочешь? Ну, ладно.

— Какой крутой! — восхитилась Сива, севшая рядом. — Можно его мне? — спросила она у хозяина игрушки.

— Бери, конечно, — сказал мальчик.

— Я супергерой! Я летаю и спасаю людей от преступников! — Сива взяла робота из рук у брата и принялась бегать с ним по палате, изображая звуки полёта — так, как умела.

Эрам пристально следил за ней.

Его звали играть в догонялки и прятки, но он не принимал в играх участия, зато наблюдал, как играет с детьми Сива.

— Тебе тоже нельзя бегать? — как-то спросил у него мальчик на костылях. — И мне, — вздохнул он, не дождавшись ответа. — Но ничего, скоро всё пройдёт. А у тебя что?

— Ничего, — ответил Эрам.

— Тогда почему ты здесь лежишь?

Но Эрам не ответил.

— Хочешь, порисуем?

Эрам снова промолчал.

— Ну, как хочешь... А почему к вам с Сивой мама и папа не приходят?

— У нас нет мамы и папы.

— Извини. Мне очень жаль. А где же вы живёте?

— Пока — здесь.

— А потом?

Эрам не захотел отвечать.

Сива нашла в больнице немало друзей. Она активно бегала и играла вместе с другими детьми, хорошо ела, кричала от страха из-за уколов и анализов и не хотела пить невкусные лекарства, но Эрам объяснял ей, что все они нужны для того, чтобы она поправилась. Он сидел с ней рядом и гладил её по голове, когда после очередного укола она, шмыгая носиком, держалась за больное место. Ему и самому пару раз делали уколы, и у него брали кровь на анализы, но он, не издавая ни звука, пристально наблюдал за тем, как игла входит в кожу на разных частях тела и вводит внутрь лекарство. Медсёстры хвалили его за храбрость и всё время давали ему конфеты. Он всегда отдавал их сестре и сам не ел ни одной.

— Я тоже хочу конфетку! В другой раз не буду плакать!

Но каждый раз она начинала кричать, едва завидя шприц с иглой.

Эрама медики с печалью прозвали «маленьким старичком», потому что он не боялся шприцев, заботился о сестре и не бегал вместе с другими детьми. А один раз, когда мальчик на костылях упал, идя по коридору, он первым подоспел к нему и помог ему подняться, а затем подал ему костыли.

Скоро они с Сивой полностью поправились. Никаких серьёзных и опасных болезней у них не нашли, и их выписали — в один и тот же день.

Теперь для них настало время отправляться в новый дом.

Детский дом

В детдоме не было детей с лёгкой жизнью и счастливой судьбой. Все, кто попал сюда, пережили те или иные ужасные вещи. Несчастные дети были несчастны по-разному, но в главном они были похожи: недоверчивые, пугливо озирающиеся, слишком рано понявшие весь ужас этого мира, помнящие свои семьи — далеко не всегда образцовые семьи.

Их воспитательницей стала госпожа Ралос[4] — женщина тридцати девяти лет. У неё не было своей семьи. Всех детей, которые находились под её опекой, она растила как родных. Ещё в молодости она решила, что всю жизнь, все силы она посвятит воспитанию чужих детей и заботе о них. Зачем, думала она, она будет заводить своих детей, когда в мире так много детей-сирот, живущих в настоящем аду, где нет ни капли любви, тепла и даже человечности?

И в детском доме оказалось не так плохо, как всё время говорила мать. Может быть, Эраму и Сиве просто повезло. Может быть, это всё благодаря госпоже Ралос вместе с другими воспитательницами. Госпожа Ралос была строгой, но в меру — ровно настолько, чтобы растить детей достойными людьми, не запугивая их. Каждый ребёнок был для неё уникальной и неповторимой личностью со своей судьбой, со своим характером и со своими травмами. Возможно, именно поэтому воспитанники любили её всей душой, как родную мать. Она не боялась их боли и страданий, не боялась их тяжёлого прошлого. Она никогда не произносила пустых дежурных фраз, чтобы утешить их. Она всегда замечала состояние каждого ребёнка — как внешнее, так и внутреннее — и почти всегда находила, чем можно помочь. А если помочь было никак нельзя, то она оставалась рядом и была готова выслушать что угодно. Дети и подростки всецело доверяли ей, а в её сердце хватало места для каждого из них.

Эрам и Сива освоились быстро. Они по-прежнему не расставались и всегда держались вместе. Полицейский не соврал: у них были и еда, и одежда, и игрушки, и книжки, и кровати с подушками и одеялами. В то время, когда на улице завывала вьюга, они сидели в тёплой комнате, закутавшись в тёплые одеяла, пододеяльники, которые всегда пахли стиральным порошком. Им не больше не приходилось прятаться от людей и красть у них еду, потому что каждый день их кормили завтраком, обедом и ужином. Они спали на мягких и чистых кроватях. Им было тепло и сухо. Им выдавали чистую одежду, которая подходила по размеру. Они могли играть в игрушки, как и полагалось детям.

Их характеры были совершенно разными, и это замечали все вокруг. Эрам отличался необыкновенными спокойствием и сдержанностью. Он никогда не плакал и никого не боялся. Он всегда был готов помочь, если в этом возникала необходимость, но помощь другим была для него, скорее, инстинктом, нежели проявлением великодушия. Он исправно и качественно выполнял свои домашние обязанности. Он рос немногословным, но если ему задавали те или иные вопросы, то он отвечал на них честно и по делу. В его стальном взгляде, осанке, походке, в каждом действии и поступке было нечто, что заставляло других детей побаиваться его. Ребята быстро узнали, откуда он пришёл и где жил, и его история вызвала у них не только уважение, но и небольшой испуг. Он не испытывал страха перед другими детьми, потому что ничто в этой жизни уже не пугало его. Поэтому задирать и запугивать его было равносильно попыткам наброситься на стену: хулиганов встречали холод, твёрдость и абсолютное отсутствие эмоций. К тому же при необходимости, будучи достаточно развитым физически, Эрам мог применить силу, хоть и предпочитал никогда этого не делать.

В школе он получал отличные оценки и с лёгкостью осваивал программу, на лету схватывая и запоминая любую информацию, быстро и эффективно выполняя домашние задания и почти никогда не получая даже «четвёрок». Ему легко давались и антилатынь, или же нитать-

[4] Солнечная (антилат.)

ский язык, обязательный для изучения в школах, и математика, и история, и литература, и природоведение, и мирознание — предмет, который совмещал в себе философию и обществознание, и прочие точные и гуманитарные науки. Госпожа Ралос не уставала хвалить его ответственность и дисциплинированность, умение выстраивать свой распорядок дня и справляться со всеми порученными ему задачами, трудолюбие и внимательность как к людям, так и к предметам.

Сива же оказалась полной противоположностью брата. Весёлая, живая, яркая, активная и общительная, она быстро завела множество новых друзей. Она была готова гулять и резвиться целыми днями. Ей было нелегко учиться в школе: она всё время отвлекалась, рисовала на полях тетрадей, а иногда и вовсе прогуливала уроки, когда за окном стояла слишком хорошая погода. Она приходила в школу в нарочито нелепой одежде, чтобы рассмешить одноклассников. Однажды она шутки ради привела в школу собаку с улицы, за что учительница отправила их к директору — и Сиву, и собаку.

За эти проделки и за беспечность Эрам ругал её, не уставая повторять, насколько важно быть образованным человеком и обучаться дисциплине.

Однако была у Сивы одна страсть — музыка. Ещё в детстве она, услышав звучание пианино на уроках по музыке, решила научиться играть на нём. Она вовсе не была виртуозом, зато играла с душой и всегда получала удовольствие от процесса, даже если у неё получалось из рук вон плохо. Неудачи никогда не расстраивали её. Она росла тёплой и открытой миру девочкой, и в каждой комнате детского дома её встречали с искренней радостью.

Она всегда заплетала свои волосы в две пшеничные косы, а лицо её было густо усыпано веснушками.

Эрам близких друзей не заводил, спокойно обходясь только приятелями и товарищами. Он не был изгоем, но с ним нельзя было валять дурака и шалить. Часто он был строг к сестре, и за это она нередко обижалась на него.

— Братик, ты всё время мне всё запрещаешь! — говорила она, надув губы. Впрочем, она прекрасно понимала, что брат просто-напросто переживает за неё и хочет уберечь её от возможных проблем. Он всю жизнь целиком и полностью отвечал за неё, и она всё так же доверяла ему. Благодаря своей строгости и серьёзности он не позволял ей наломать дров или оказаться в опасной ситуации. Хотя, конечно, иногда ей хотелось, чтобы старший брат давал ей чуточку больше свободы и права самостоятельно распоряжаться своей жизнью.

Эрама дети уважали, а Сиву они любили. Это были совершенно разные вещи, но и Эрама, и Сиву всё полностью устраивало.

— Знаешь, братик, а ты очень похож на вилку! — как-то сказала Сива.

— На вилку?

— Ну да! Когда ты руки вверх поднимаешь, то ещё больше вилку напоминаешь!

— А разве не все в таком случае похожи на вилки?

— Ты похож больше всех! У тебя и глаза цвета вилки!

Сива была той ещё чудачкой.

Она ни слова не говорила о матери и, казалось, с каждым годом всё больше и больше забывала её. А Эрам иногда вспоминал Синги, лёжа в кровати перед сном. Чем старше он становился, тем больше её сторон, граней её личности и судьбы ему открывалось. Она работала проституткой, чтобы ему было, чем питаться. Она родила Сиву от клиента и хотела её убить, но оставила её жить, потому что он, двухлетний, защитил её. Хоть уже и крайне, крайне смутно, но всё же он — больше как сухой факт из своей жизни — помнил, что в два с половиной года бросился к матери, держащей подушку на лице сестры. А Сива, конечно, никак не могла об этом знать. И Эрам никогда не рассказывал ей про этот эпизод из их жизни. Зачем ей было об этом знать?

Мать любила его. И ненавидела Сиву, но всегда чувствовала страшную вину перед ней. И обняла её в последние минуты своей жизни. Ради сына? Она ведь и не убила свою дочь, потому что сын заступился за неё. Потому что убийство малышки сломало бы его ещё больше, хотя больше, казалось, было уже некуда.

Эрам думал, что слишком жестоко поступил с матерью. Он не принял её извинения, когда она так нуждалась в прощении и любви. Он не подошёл к ней в её последние мгновения, чтобы попрощаться с ней, и остался стоять в дверном проёме, молча и холодно наблюдая за её агонией.

Они с Сивой даже не ходили на её могилу.

— Ты маму помнишь? — как-то спросил он у сестры.

— Очень плохо, — призналась Сива. — Я забыла её лицо. А что?

— Ничего. Неважно.

— Главное, что у нас сейчас всё хорошо, правда? У нас ведь сейчас всё хорошо?

— Да, — ответил Эрам.

— Mauq elibarim![5] (Как замечательно!) — радостно ответила Сива по-нитальски и кинулась его обнимать. Она часто обнимала брата, утыкаясь носиком ему в грудь.

В Ниталии существовало два языка — их ещё называли «язык де-юре» и «язык де-факто». Нетрудно догадаться, что «языком де-юре» была антилатынь, или же нитальский язык. Его изучали в школах, вкрапления на нём встречались даже в детских книжках: государство считало, что так люди будут эффективнее изучать «язык образованных людей», «язык современности». А «языком де-факто» был уже существующий на планете, в данном регионе мира язык, на котором большинство людей говорили с рождения и который понимал им понимать друг друга даже без качественного образования.

— Ainmo eneb tnure. Ottimorp,[6] (Всё будет хорошо. Обещаю) — ответил Эрам и погладил её по голове.

Ей на тот момент было одиннадцать лет. А ему — тринадцать. И всё было хорошо.

До поры до времени.

Спустя несколько дней после этого их разговора Великое Возрождение объявило Ниталии войну. Это был октябрь 2633 года. Дети узнали об этом по телевизору, хотя новости и политика никогда особо не интересовали их. Они встревоженно смотрели на экран, где диктор с серым лицом сообщал последние известия. Госпожа Ралос тоже смотрела новости. Взгляд её был полон горечи и тревоги за детей.

— Прорвёмся, — тихо говорила она.

С четырнадцати лет Эрам подрабатывал помощником грузчиков, а иногда — курьером. А когда ему исполнилось пятнадцать лет и над городом впервые стали летать вражеские ракеты и беспилотники, он начал помогать людям тушить пожары и разгребать руины разрушенных домов. Сива тоже хотела заниматься этим, а не только прятаться по убежищам, но Эрам строго-настрого запрещал ей даже приближаться к развалинам.

Их так и не усыновили. Мало кто горел желанием брать детей проституток-наркоманок, выживавших на улице, когда вокруг было столько ребят из менее экстремальных условий. А если кто-то раз в несколько лет и хотел забрать их, то они отказывались сами. Они хотели остаться в детском доме, потому что слишком привязались к госпоже Ралос. Она была им как мать.

---

[5] Как замечательно! (антилат.)

[6] Всё будет хорошо. Обещаю. (антилат.)

Дождь

15 октября 2636 года Эрам вернулся с подработки и с удивлением заметил, что Сивы нет дома. Шёл сильный ливень, и он забеспокоился.

— Эрам, она сказала, что хочет погулять под дождём, — сообщила одна девочка.

— Ну, классно, — цокнул языком Эрам. Сива делала так уже не в первый раз, и однажды такая прогулка обернулась для неё простудой.

— Она где-то тут, рядом. Не переживай.

Он мигом вышел на улицу, захватив с собой зонт. Обошёл всю территорию детского дома и нашёл сестру на заднем дворе.

Она стояла, вся мокрая, и ловила капли дождя на протянутую ладонь. В таком положении она напоминала бродягу, просящего милостыню.

— Ты чего здесь?

Эрам тут же навесил над ней зонт, чтобы укрыть её от влаги, хотя, казалось, смысла в этом уже не было. Сива промокла до нитки.

— Ты в порядке?..

Она обернулась не сразу. На её лице играла какая-то непривычно тихая, растерянная улыбка. Сегодня она была совсем не такой, как обычно.

Она мягко отстранила от себя зонт.

— Эти холодные капли — словно маленькие замёрзшие души, которые ищут у меня утешения. Эрам... Что, если после смерти мы становимся каплями дождя?

— Строго говоря, отчасти так и есть.

— А если не строго говоря? Братик, ты такой серьёзный. Как вилка. И строгий.

— Идём домой. Ты вся вымокла.

В комнате Эрам растёр её сухим махровым полотенцем, пахнущим чистотой, заставил её переодеться, а затем вытер и высушил ей волосы и бережно заплёл их в косы.

После ужина она, как обычно, пошла к своим подружкам, а Эрам сел за уроки. Он учился уже в десятом классе — последнем классе школы в Ниталии. Весной ему предстояло сдать экзамены и определиться с будущей профессией, хотя он уже знал, куда пойдёт. Программирование и робототехника снова начинали набирать обороты, становясь востребованными и даже престижными. А ещё Эрам уже, конечно же, знал про такое противоречивое изобретение человечества, как искусственный интеллект. Поэтому в качестве предметов для сдачи он выбрал информатику, физику и углублённую математику, а ещё свой родной язык и антилатынь как обязательные.

— Что это у тебя за символы перед примерами? — спросила Сива, вошедшая в комнату для занятий и заглядывающая брату через плечо в тетрадь. — Я вообще ничего не понимаю, — засмеялась она.

— Определённые и неопределённые интегралы, — пояснил Эрам.

— Вот эти закорючки? Жуткое название! И как, очень сложно?

— Несложно, если разобраться.

— А вот эти, которые с «lim»? Лимоны, что ли?

— Пределы.

— Жалко, что не лимоны. Были бы лимонные примеры. Потому что, когда решаешь их, у тебя лицо кислое!

Сива засмеялась, а Эрам слегка усмехнулся.

Она прислушалась к дождю, который барабанил по миру за окном.

Не считая дождя — тишина. Шаткая и недолговечная.

— Пошли на пианино поиграем?

— Я же не умею. У меня пальцы как вилки.

— Ну и что! Ты играй, как получится! Пойдём! Ты, небось, как я ушла, только и сидишь тут со своими лимонами!

И Эрам сдался:

— Подожди пять минут: я дорешаю.

И, когда он закончил, они спустились вниз, попросили у охранника ключ от музыкальной комнаты и открыли дверь. Эрам придвинул к пианино ещё один табурет, и они оба сели за инструмент.

Конечно же, у Эрама ничего не получалось, но Сива была в восторге. Ей нравилось сидеть вместе с братом и нажимать на клавиши.

— Смотри, вот так! — И она играла одним пальцем, специально для него, какую-нибудь простейшую мелодию из популярного мультфильма.

Эрам пытался повторить, но пальцы не слушались его. Однако Сива нисколько не огорчалась.

— Десять вечера, — сказал Эрам наконец. — Пора спать.

— В такое время ложатся только дети!

— Нет, в такое время ложатся люди, ведущие здоровый образ жизни.

И Сива сдалась.

Дождь так и лил за окном.

А Эрам молил мир, чтобы этой ночью не выла сирена воздушной тревоги. За последний год смерть слишком часто стала посещать их город. Слишком часто объявляли беспилотную и даже ракетную опасность.

Слишком много разрушенных домов и смертельно раненых людей.

Тот день

Следующий день начался как обычно. Эрам и Сива отправились на занятия в школу.

— Не чуди, — обычно предупреждал Эрам.

— А ты не нуди, — со смехом предупреждала Сива в ответ, и на этих словах они расходились по разным классам.

Оттуда Эрам пошёл на работу, а Сива — на занятия по музыке.

А потом, среди бела дня, вдруг протяжно завыла сирена воздушной тревоги.

Ракетная опасность.

Люди бросили все свои дела и побежали в убежища. Побежал и Эрам, потому что случались в жизни такие ситуации, когда можно и нужно было только убегать и прятаться. На большее безоружный шестнадцатилетний подросток не был способен.

Он торопливо шёл по улице, когда внезапно увидел сестру на другом её конце.

— Эрам!!! — закричала Сива и побежала ему навстречу.

Он замахал руками, требуя развернуться и побежать туда, куда положено. Но Сива не слушалась. Она никогда его не слушалась. Она хотела увидеться с ним и обнять его, хотела пересидеть эту ракетную опасность в укрытии вместе с братом. Ведь обычно они никогда не попадали в одно и то же убежище, потому что вечно находились в разных районах города. И Сиве это жутко надоело. В последнее время она скучала по брату больше, чем обычно. Он работал и учился, она ходила на музыку, гуляла с подружками, получала первые подарочки и знаки внимания от мальчиков. Ей нравилась такая жизнь, но она виделась с братом только ранним утром и поздним вечером, и то в десять часов Эрам всегда гнал её спать.

Она добежит до него, прижмётся к нему и обязательно скажет ему всё это! Скажет, как она его любит, как скучает по нему и как хочет просто гулять с ним, ни о чём не думая!

Она улыбалась, пока бежала.

Эрам помчался к ней. Сейчас он добежит до неё и устроит ей взбучку! Знала бы она, насколько опасно носиться по улицам, когда по ним летают вражеские ракеты! Вот ведь непослушная, упрямая девчонка! Вообще не думает о безо...

Он не додумал, потому что ракета угодила в жилой дом прямо перед ним.

Прямо там, где бежала Сива.

Эти ракеты свистели так громко, что кроме их визга ничего больше не было слышно. Сива вспомнила детские игрушки — самолётики с резинками, которые надо было оттягивать и запускать вверх. В их хвостах находились свистки, которые издавали забавный звук при падении. Ещё у них мигали красные лампочки.

Куча игрушечных самолётиков летит в небе. Какой-то гигантский космический карапуз решил поиграть.

Сива бежала, и лишь ракета, упавшая прямо рядом с ней, заставила её остановиться и закрыть лицо руками. Все мысли разом покинули её пшеничную голову. Она попыталась посмотреть вперёд, туда, где сломя голову нёсся к ней её Старший Брат, но ничего не увидела.

Взрыв был настолько громким, что Эрам не услышал ничего, кроме боли в ушах. Инстинктивно он заслонил лицо руками и на бесконечные несколько секунд остановился. Его тотчас же забросало мелкими осколками и окатило волной пыли, но он не отвернулся.

Земля дрожала в ужасе, а потом успокоилась.

Когда Эрам опомнился, он не мог узнать улицу, на которой находился. Вместо домов руины пылали пожарами. Казалось, само небо было красным. Деревья вмиг превратились в обугленные коряги, напоминающие кисти мертвецов.

Сивы нигде не было видно.

— Сива! — заорал Эрам.

Он кричал так громко, что, казалось, в этот крик вложил весь свой голос, который держал в узде всю свою жизнь.

— Сива!!! — крикнул он ещё громче.

И впервые никто ему не ответил.

Он рванул к руинам разрушенного дома, ни на что не надеясь и ни о чём не думая.

Но он быстро нашёл её. Одна её коса виднелась из-под обломков, а ещё торчала правая рука, пыльная и напоминающая могильный крест. Эрам принялся раскапывать куски бетона, чтобы вытащить сестру из удушающего плена. Он расшвыривал мелкие обломки и переворачивал крупные, раздирая собственные пальцы в кровь и не чувствуя боли от порезов.

Глаза её были целы, и лицо каким-то чудом не пострадало. Она была всё такой же веснушчатой и прекрасной, только её косы окрасились в бордовый цвет: один из обломков сильно ударил её по голове.

— Чёрт... Чёрт, чёрт тебя возьми! Ты только не умирай, дурочка ты... — задыхаясь, молил он. — Ты только...

Его руки окрасились в горячую кровь. Он откинул в сторону ещё несколько обломков и увидел то, чего не забудет никогда.

Её юное, грациозное тело. Её худой живот, ещё минуту назад изящные руки, вечно перепачканными чернилами и фломастерами — на среднем пальце и сейчас виднелось пятно от протёкшей ручки. Её быстрые ноги, которые никогда больше не понесут свою хозяйку навстречу приключениям и юной жизни.

Эрам поднял верхнюю половину её тела на руки.

— Сива, — позвал он, ни на что не рассчитывая. — Сива.

И тут случилось самое ужасное. Она медленно открыла глаза.

— Братик...

— Кто-нибудь!!! На помощь!!! — что есть силы позвал Эрам.

Его услышали. Медики. Двое. Они в считанные секунды подошли и осмотрели раны Сивы.

По их глазам Эраму стало ясно всё.

— Прощайся, парень. У вас есть минут пятнадцать, полчаса — максимум. Мы сейчас уколем ей морфин.

— Не... не надо... — сказала Сива.

И тогда медики ушли. Эрам не мог их винить. Раненых и погибших в городе в этот день было слишком много. А Сиве они уже никак не могли помочь.

И Эрам прижал её к себе. Прямо как в детстве.

Глаза его были страшны.

— Братик... Расскажи мне что-нибудь.

Эрам не знал, что ответить на эту просьбу.

— Что-то... хорошее.

Она не боялась и не плакала. Она даже не жаловалась на боль. Наверное, потому что было очевидно, какими ощущениями отдает её изувеченное тело.

И тогда Эрам начал:

— «Жила-была птичка. Её так и звали — Птичкой. Она жила в уютном гнёздышке на абрикосовом дереве вместе с Папой, Мамой и младшим братом Птенчиком.

Птичка летала с ветки на ветку и дружила с другими птичками. Она любила приносить Птенчику червячков и хлебные крошки. Но больше всего ей нравилось дарить братику разные красивые вещи. Она находила их на дорожках, в парках, в садах.

Однажды Птичка прыгала по дорожке и увидела, как что-то блестит. Это бусинка! Она голубая, прямо как Птичка».

— Бусинка... — прошептала Сива и слабо улыбнулась.

— «Моему братику она очень понравится. Отнесу её в гнездо! Вот Птенчик обрадуется!

Птичка взяла бусинку в лапки и полетела к своему дереву. Птенчик ждал её. “Спасибо, сестричка!” — сказал он. Я очень рад!

Птичка очень любит Птенчика. Ещё Птичка любит Папу и Маму. А Папа и Мама любят Птичку и Птенчика.

Семья Птички очень счастливая».

Эрам закончил историю, которую помнил наизусть все эти годы.

— Спасибо, братик. Это то, что я хотела...

Эрам прижал её к себе, сдерживая дрожь в своем теле.

— Ты уж прости... что я уже ухожу... братик... А знаешь... Ты и правда очень похож на вилку.

Её карие глаза, похожие на почву после дождя, медленно закрылись.

— Сива, — позвал Эрам.

И она не ответила. Он приложил ухо к её груди.

— Тук... Тук... — прошептал он.

Её сердце не билось. Тогда он поднялся вместе с её телом и понёс её в морг.

Ему было плевать, цело ли здание детдома. Плевать на пылающие по всему городу пожары. Он шёл по улице с мёртвой сестрой на руках мимо огня, обломков и стонущих от боли изувеченных тел.

Вернулся в уцелевший детский дом, весь перепачканный пылью и кровью.

Госпожа Ралос встрепенулась.

— А где же... Сива?

— Она стала каплей дождя, — только и ответил Эрам.

Одуванчики

На следующий день её похоронили.

Хоронили её рядом с матерью — могилой с уже утрамбованной временем землёй и скромным памятником без фотографии.

Она лежала, совсем бледная и одетая в её любимую одежду. Вся в жёлтых одуванчиках. В Ниталии было мало обычаев, но один, крохотный, всё же существовал: в любое время года класть в гроб и на могилу умершего человека одуванчики. В основном все именно их и клали. Не розы, не тюльпаны и даже не ромашки. Одуванчики. Их выращивали в цветочных магазинах круглый год. И их никогда не продавали, а отдавали бесплатно столько, сколько нужно. Ведь одуванчики — это такие цветы, которые вырастут даже в трещинах в асфальте. Они обладали удивительной волей к жизни, и никто никогда не называл их сорняками.

Одуванчики в Ниталии были и символом жизни, и символом прощания.

На похороны пришёл весь детский дом. И все плакали: и девочки, и мальчики, и мужчины, и женщины. Друзья и одноклассники Сивы, её воспитатели, школьные учителя, охранники. Пришла даже одна медсестра, которая когда-то делала маленькой Сиве уколы.

— Что же это такое! Солнышко ты наше! Не уходи от нас!!!

Плакали все, кроме Эрама. Он не мог плакать, даже когда гроб с телом сестры, утопающем в золоте свежих одуванчиков — сотни, сотни маленьких солнц — опускали под землю. Он лишь молча стоял, не отрывая глаз от гроба. Он, может, и хотел бы разрыдаться, да только слёзы внутри него превратились в огромные глыбы льда, неспособные выйти наружу.

Госпожа Ралос стояла рядом с ним. Она не плакала навзрыд, но слёзы не переставая текли по её лицу, ещё хранящему в себе красоту молодости.

Она взяла Эрама за ледяную руку, и тот слабо сжал её кисть в ответ.

— Вот и улетела наша птичка, — тихо сказала госпожа Ралос.

Перед тем, как гроб закрыли, Эрам в последний раз наклонился над бледным веснушчатым личиком сестры и лбом коснулся её лба.

— Спи. Мы не забудем тебя. Обещаю, — прошептал он.

Кто-то в толпе взвыл:

— Не могу, не могу на это смотре-е-еть!.. Девочка ты наша, родненькая, котёнок! Братика своего оставила!!! Куда же ты теперь ушла-то?!

Её оттащили от гроба. Эрам не смотрел на неё.

Когда гроб зарыли, множество таких же жёлтых одуванчиков положили ещё и около надгробия.

После похорон все разошлись по домам. Дети вели себя до невозможности тихо. Они почти не играли, не хотели выходить гулять, а за обедом и ужином лишь изредка переговаривались. Ночью многие из них тихо плакали, вжавшись в свои подушки.

Госпожа Ралос старалась быть рядом с Эрамом. Он ходил в столовую на обед и ужин, как и все. Сделал домашнее задание. Вечером почистил зубы и принял душ. И спать отправился в десять часов вечера.

А на следующий день, после школы, впервые не пошёл на работу, а сел на автобус и доехал до кладбища. Автобус был почти пустым. Одинокая старушка с большой сумкой сошла раньше, где-то недалеко от своего загородного домика.

Эрам нашёл могилы сестры и матери. Теперь к старому памятнику добавилось надгробие с фотографией и надписями.

СИВА ФОСТЕР

06.07.2622 — 16.10.2636

Siva avrap ni oleac oelureac atcaf mus[7] (Я обернулась маленькой пташкой в голубом небе)

Все одуванчики, которые возложили на могилу, уже завяли. На следующий же день. Их было так много, и все они теперь потемнели. Из них ушёл весь их жизнерадостный солнечный цвет. Из них вышла вся жизнь.

Они быстро распускаются и так же быстро умирают. Они не успели нарядиться в белое одеяние и стать взрослыми. Прямо как она.

Эрам встал перед надгробием на колени.

— Привет, сестрёнка моя.

Птичий щебет в ветвях деревьев был ему ответом.

— Целый день уже без тебя живём. А как будто целая вечность...

Фотография Сивы, четырнадцать лет жизни и надпись на антилатыни поплыли перед глазами.

— Прости меня, родная. Не уберёг я тебя, — сказал Эрам, чувствуя, как по лицу стекает что-то горячее и падает на воротник куртки. — Прости, что ругался на тебя. — Он всхлипнул. — Прости, что гнал тебя спать, когда ты хотела побыть со мной. Прости, что... что...

Он не смог говорить, потому что рыдания разрывали ему грудь. Он захлёбывался слезами и задыхался.

— Солнышко... моё... Птичка, одуванчик, ручеёк!.. Как же я скучаю по тебе! Как же я тебя люблю!!!

Он прижался к холодному надгробию и разрыдался. Сначала тихо, сдавленно, а затем громче и громче, не скрываясь и не сдерживаясь. Его рыдания и стоны рвали октябрьский воздух. Его голос дрожал, ломался, переходил почти в крик и вой — и не смолкал. Слёзы обжигали щёки, падали на руки, на колени, на камень с портретом сестры. Казалось, он был готов вывернуться наизнанку от плача, но это всё равно не помогло бы. Чем больше и громче он рыдал, тем больнее ему становилось.

Он вспомнил мать, которая лежала рядом с ненавидимой ей дочерью. Которая торговала своим телом, чтобы накормить детей. Которая, когда к ней приходило двое, трое, четверо мужчин, сдерживала стоны боли и стыда, чтобы не приводить своих маленьких детей в ужас. Которая напоследок прислушалась к безжалостным словам сына и в предсмертной агонии обняла своё дитя.

Он вспоминал крошечные эпизоды из жизни сестры. Две косы и веснушки. Звонкий, заливистый смех. Перепачканные чернилами пальчики, упорно пытающиеся разучить непростую композицию. Собака в школе и сердитое лицо шокированного директора. Прыжки по лужам под дождём. Сладкий, сочный арбуз, который она ела одним летом и в котором вымазала все щёки. Завтраки, обеды и ужины вместе, по окончании которых Эрам всегда вытирал ей рот салфеткой и говорил, что она ест, как поросёнок.

Всё это ушло в сырую землю. Все её косы, веснушки, пальчики, глазки, ушки, ровные белые зубки, пухлые бледные губки.

Она, мёртвая и лежащая под землёй, не слышала его живых истошных рыданий на поверхности. Не видела ясного неба, не слышала жизнелюбивого щебетания птиц, не чувствовала дождей и прохлады.

И больше никогда не услышит, не увидит и не почувствует.

Он не знал, сколько времени прошло. Не заметил, что на землю медленно опускаются сумерки, а воздух становится холоднее. Но внезапно, когда у него уже не осталось сил рыдать, почувствовал чью-то ладонь на своём плече.

Он поднял голову и увидел старого сторожа кладбища, сидящего перед ним на корточках.

— Вставай, мальчик. Пойдём ко мне в будку, я тебе чаю налью.

---

[7] Я обернулась маленькой пташкой в голубом небе (антилат.)

Он помог ему подняться, и Эрам молча пошёл за ним.

Этот сторож повидал немало таких убитых горем людей за свой век. Он не стал задавать Эраму вопросов, не стал произносить бесполезные дежурные фразы утешения. В сторожке он поставил чайник и, когда тот закипел, сделал горячий чай, положил туда пару ложек сахара и подал кружку Эраму.

Эрам сделал несколько глотков и почувствовал, как тепло спускается по пищеводу в желудок.

Слёзы у него уже высохли и больше не лились.

— Тепло? — спросил сторож.

— Тепло, — отозвался Эрам, держа кружку двумя руками.

Это всё без толку, подумал он. Никакие слёзы не оживят погибших. И от рыданий не становится легче.

Он вернулся домой уже затемно. Колени у него были перепачканы землёй.

Госпожа Ралос не стала ничего у него спрашивать. Она и так прекрасно всё понимала. Она слишком хорошо знала Эрама. И она знала, что именно так и будет. Ему необходимо было выпустить боль в одиночестве.

Она всегда любила его таким, какой он есть.

— Будешь ужинать? — спросила она у него.

— Да, — ответил Эрам.

И она разогрела ему суп.

Эрам не замкнулся в себе. Он принимал помощь и поддержку. Ел по расписанию, помогал младшим, делал домашнее задание. Снова вышел на работу. Вставал с кровати. Купался и чистил зубы. Брился. Отвечал на вопросы. Ложился спать в десять часов вечера.

Он вёл себя абсолютно правильно и продолжал функционировать. И больше не плакал.

И он всегда жалел об одном: он никогда не был достаточно ласков с сестрой. Никогда не обнимал её без повода, не говорил ей, что любит её. Был слишком строг. Его чувство любви было изуродовано ещё в раннем детстве. Он не скучал по матери. Он бросил её тело, как никому не нужный кусок мяса.

Его сердце всегда было слишком маленьким и холодным.

Армия

Он сдал все экзамены, которые выбрал, на максимальные баллы. Учёба стала для него способом отвлечься от внутренней боли, которая не стихала ни на минуту и которая уже стала привычной частью повседневной жизни.

Закончив школу, он продолжил трудиться на низкоквалифицированной профессии, в свободное от работы время читая литературу самых разных жанров, самых разных дисциплин.

А когда он достиг совершеннолетия, его призвали в армию, как и всех молодых парней восемнадцати лет. И он поехал туда без колебаний и ропота вместе с ребятами, с которыми жил в детском доме. Его отправили в учебное подразделение для прохождения подготовки.

Там ему было нетрудно. Он выполнял все задания и вместе с сослуживцами сносил все тяготы и лишения военной службы. Скучать было некогда, и ему это пришлось по душе. Он не рвался домой, потому что нигде в этом мире он не чувствовал себя как дома. Когда с ним была Сива, ему и заброшенная развалина на улице казалась родным домом. Теперь же, когда сестра погибла, ему было совершенно всё равно, куда идти и чем заниматься. Он просто плыл по течению, постоянно находясь в работе и труде, но ни к чему не стремясь и не ставя перед собой абсолютно никаких целей. Он всего лишь делал то, что от него требовалось. То, что было полезно для других людей — но не потому что он хотел им угодить, а потому что ему требовалось постоянно чем-то заполнять всеобъемлющую пустоту на сердце. Его можно было сравнить с дырявым ведром: пока льёшь в него воду огромным напором, оно полно, но стоит выключить кран — и оно сразу же опустошается через дыру на дне.

И каждую, каждую ночь ему снились кошмары. Он просыпался на рассвете и лежал на своей койке, больше не засыпая и никому не говоря ни слова.

В армии был привычный ему уклад: ранний подъём, приём пищи по расписанию, поощрения и наказания. Он бегал по пять километров с грузом из оружия в сорок килограммов, но не ощущал усталости. Он ел, когда пора было есть, но не чувствовал ни голода, ни отвращения к еде. Он помогал товарищам, а они помогали ему, но ничто не могло его расшевелить.

— Так ты из детдома, значит? — как-то спросил у него один сослуживец.

Это был парень, которому на службе с непривычки приходилось непросто. Эрам часто помогал ему, будил его, когда тот не мог встать рано утром. Но помогал он ему не из дружбы или привязанности, а просто для того, чтобы поддерживать дисциплину в строю. Это был своего рода инстинкт или даже рефлекс, которому Эрам не придавал никакого значения и над которым он никак не размышлял.

— Да, — ответил Эрам.

— И как там? Кошмар?

— Нет.

— Ну и здорово. А ты не слишком разговорчивый, да?

Эрам не ответил.

Одним утром командир почувствовал запах табачного дыма.

— Кто курит в строю — шаг вперёд! — рявкнул он.

Тишина.

— Всей роте — бег пять километров! Напра-во!

И солдаты пробежали пять километров.

— Ещё раз — кто курит в строю?

Тишина.

— Ещё пять километров! Напра-во!

Эрам молча бежал и не возмущался. Он не ощущал усталости. Он ничего не ощущал. Ни гнева на курильщика, ни досады, ни утомления. Ему было всё равно. Про себя он повторял лекции из учебника по программированию.

— Падла, я уже не могу бежать!

На третий раз солдаты вытолкнули из строя виновника, который не хотел признаваться в том, что курил. Эрам смотрел в пустоту, когда того наказывали. Он не испытывал к парню ни жалости, ни отвращения.

Но он помогал тем, кому нужна была помощь. Защищал тех, над кем издевались. Сам выполнял всю работу, которую обязан был выполнять. Отдавал честь по-нитальски: вскидывал правую руку с растопыренными пальцами вверх, к солнцу, затем сжимал её в кулак и прижимал к сердцу, а потом ко всему накрывал этот кулак левой ладонью, будто бы удерживая в сердце пойманный солнечный свет.

Но в его сердце не было света.

— Anredom sumogire![8] (Мы возводим современность!) — таким было приветствие в Ниталии.

Эрам чистил своё оружие. Мыл туалет, когда приходила его очередь. Стирал своё бельё. Вставал, когда пора было вставать, и ложился, когда наступало время отбоя. Маршировал и замечал, как от ударов о землю выскакивают искры из-под титановых подошв сапог — эти искры приводили и солдат, и командира в неподдельный восторг, но ему не было до них дела.

И ничего не чувствовал. Даже зная, что по окончании подготовки его отправят на фронт. Возможно, он даже хотел туда пойти — если он вообще мог хоть что-то хотеть.

Его обучили пользоваться разными видами оружия: и стрелковыми вроде автоматов и снайперских винтовок, и артиллерийскими системами, и системами противовоздушной обороны. Он без труда осваивал всё, что ему давали, но на похвалу никак не реагировал и собой не гордился. Такие солдаты, как Эрам, были страшны в бою: они ничего не боялись и не отступали, шли только вперёд, не колеблясь, хладнокровно и без каких-либо эмоций делая всё, что им приказано.

А потом, где-то за три месяца до окончания срока службы, до его роты дошла весть:

— Эрам, ты слышал? Ниталия и Великое Возрождение подписали мирный договор!

— Да, слышал, — немного помолчав, сухо ответил Эрам.

Это было 9 июля 2638 года. Почти день рождения Сивы. Ей сейчас было бы уже шестнадцать лет. Она могла бы расцвести и превратиться в прекрасную девушку, могла бы быть почти взрослой, но война переломала ей ноги, руки и рёбра и заставила её истечь кровью на руках у брата.

Эту новость солдаты восприняли по-разному. Кто-то испытал облегчение, ведь теперь можно вернуться домой целым и невредимым. Кто-то сожалел о потраченном времени и нереализованных возможностях, о том, что их мужество и навыки не прошли проверку. Кто-то жалел потраченное впустую время: «Пахали, таскали снаряды — и ради чего?!» А многие и вовсе были страшно раздосадованы: «Чему вы радуетесь, ведь мы даже не выиграли! Мир на равных условиях! Тьфу!»

А Эрам просто молчал. Как и всегда.

Выходит, война пришла, когда он был подростком, думал он. Затем забрала Сиву. А потом вдруг завершилась, не дав ему возможности отплатить за смерть сестры. Завершилась, когда он уже стоял на пороге фронта, когда он вот-вот должен был отправиться на горячую точку. Когда он не видел для себя никакого будущего и не надеялся вернуть в родной город, где пережил столько ужасов.

Он не хотел об этом ни говорить, ни даже думать.

---

[8] Мы возводим современность! (антилат.)

Армия не сломала его. Она подтвердила, что он уже сломан — и что он умел выживать в любой системе. Он не боялся ни старших товарищей, ни наказаний, ни командиров. Он ничего не боялся, потому что ему нечего было терять. У него не было никаких целей в жизни. Он не хотел становиться знаменитым или героем, не хотел менять мир. Он просто делал то, что должен был делать. Но ему было плевать, куда идти.

В один день, за пару недель до возвращения домой со службы, Эрам попытался покончить с собой, потому что жизнь казалась ему совсем бледной и пустой. Ночью он отошёл на улицу вместе с автоматом и уже приложил дуло к голове, но почему то вдруг заколебался. Пальцы не слушались его и никак не хотели нажимать на курок. Он провозился пару минут, но тут, когда он уже готов был выстрелить, кто-то с силой выбил автомат у него из рук.

От неожиданности Эрам не удержался на ногах и грохнулся на землю.

— Придурок! От тебя меньше всего ждал!

Это оказался тот самый солдатик, которому вечно тяжело было бегать и вставать рано утром.

Эрам молча посмотрел на него, на его лицо при лунном свете, а затем потянулся за своим оружием, чтобы подобрать его, но тут в бок ему прилетел удар ногой.

Эрам закашлялся от боли. Лёгкие отказывались повиноваться ему. Он схватился за место удара, с трудом хватая ртом воздух, но тут солдатик ударил его ещё раз — на этот раз в спину. Кирзовые сапоги били тяжело и доходчиво.

Эрам не пытался защищаться. После третьего пинка — в живот — солдатик опустился рядом с ним, едва дышащим и неспособным подняться.

— Не тронь автомат! Я не позволю тебе вот так уйти!

Эрам посмотрел на него измученными глазами.

— По... чему?..

— Потому что... Потому что... Потому что ты хороший человек! — Видимо, решил Эрам, это всё, что пришло бедолаге в голову.

Он осторожно откашлялся. Ему показалось, что на землю он выплюнул немного крови.

— Больно, — сказал он.

— Так тебе и надо. Будешь знать, как приставлять автомат к своей голове! У тебя же... У тебя же прекрасное будущее впереди!

— Знаю.

— Знаешь, вот как?

Эрам замолчал.

— Не смей... этого делать. В этом мире есть люди, которым не всё равно. Они рядом с тобой. Просто попроси их, и они тебе помогут.

— Знаю.

— Всё-то ты знаешь, я погляжу!

— Ладно. Верни автомат. Я не должен никому его отдавать.

Они пошли обратно, в казарму.

— Ты извини, что я тебя так... отделал. Я, блин, до того испугался. Не хотел своими глазами увидеть, как у кого-то... Как у тебя из башки мозги вылетают!.. Я... Я пойму, если ты донесёшь на меня.

— Не донесу, — тихо ответил Эрам.

— Пообещай, что будешь жить.

— Тебе-то это зачем? Мы с тобой никогда больше не увидимся.

— Да, не увидимся. Но... Лучше жить, чем умереть, не правда ли? Может... Может, это не навсегда. Может, в один день твоя жизнь изменится. В неё придёт кто-то, ради кого ты решишь остаться. Умереть ты всегда успеешь. Дай свой судьбе шанс. Что, если в будущем она приготовила для тебя что-то интересное?

— Хорошо, — наконец сказал Эрам. — Буду жить.

Перед тем, как зайти в казарму, солдатик посмотрел на Эрама и улыбнулся:

— Ты лицо-то вытри.

— Это от боли, — сухим и ровным голосом заключил Эрам.

Наверное, у этого юноши-солдатика хоть немного повысилась самооценка, ведь он убедил человека не уходить из жизни. Да ещё и отмутузил Эрама так, что тот неделю не мог дотронуться до своего туловища.

Пожалуй, ради таких людей и правда стоит жить. Как жить? Это неважно. Главное — не лишать себя жизни самостоятельно.

Работа и пианино

Вернувшись домой, в родной город, он заселился в старенькую однокомнатную квартиру, которую выделило ему государство как сироте. Она была маленькой и скудно обставленной, но газ и водопроводная система работали исправно, а сквозящие окна Эрам просто заклеил малярным скотчем. Из окна на восьмом этаже открывался вид на город.

Ему пришлось начать взрослую жизнь с нуля.

Осенью он поступил в технический университет информационных технологий и робототехники на бюджетной основе и начал получать образование, параллельно работая и зарабатывая себе на жизнь. Ему хватало социальной пенсии для сирот, повышенной стипендии и зарабатываемых средств, чтобы полноценно существовать.

В университете студенты в основном отличались от детей, выросших в детском доме. Они были не такими привычными к трудностям, и мало кому из них приходилось обеспечивать себя самостоятельно. Но Эрам никогда им не завидовал.

Он с отличием сдавал сессии, вовремя выполнял все задания и с лёгкостью осваивал всё, за что брался. Он добивался успеха тихо и без гордости за себя, но преподаватели замечали его выдающиеся способности и хвалили его, а ещё отправляли на всевозможные конкурсы. Эрам никогда не отказывался от дополнительных задач и почти всегда занимал призовые места. Его называли идеальным студентом, идеальным работником, человеком-машиной и даже роботом.

О нём и о его прошлом ходили самые разные слухи, которые его совершенно не интересовали — и вовсе не потому, что он ставил себя выше сплетников. Он никогда не считал себя лучше и умнее других. Он просто-напросто не мог испытывать ничего, кроме всеобъемлющего равнодушия ко всему на свете.

Кошмары давно стали привычной частью его жизни. Он не уделял им никакого внимания и не размышлял над ними, а просто покорно поднимался с кровати и начинал заниматься делами.

Он пользовался популярностью у девушек. Умный едва ли не до гениальности, но при этом простой в общении, вежливый и тактичный, спокойный и собранный, надёжный, способный обеспечить семью, отличающийся особо бережным отношениям к представительницам прекрасного пола (которое было не более чем всё тем же выработанным за все годы жизни рефлексом), он был объектом воздыхания многих студенток из его группы и даже с других факультетов. Но он никогда не отвечал им взаимностью. Разве мог он стать хорошим партнёром, если внутри у него не было ничего, помимо пустоты?

Его совсем не интересовали романтические отношения.

На последних курсах обучения он прошёл практику в компании «Zillion-A» — легендарной компании, которой было уже более шестисот лет, которая после отделения страны от Великого Возрождения принадлежала Ниталии и которая ещё в 2027 году разработала голосовой помощник по имени Зиллион Амбиций, или же просто Зи. Эрам получил станцию «Зи» в подарок от компании за отличные успехи в практике — вместе с приглашением на работу по окончании вуза.

Туда он и пошёл, окончив университет с одними пятёрками в дипломе.

Сива была не такой сообразительной. Она никак не могла научиться хорошо играть на пианино, не блистала обширными познаниями в науках и приносила из школы одни двойки и тройки, а пятёрки были для неё целым праздником. Но она играла с душой. И в школе никому не давала заскучать. Она никогда не выполняла задания по инструкции и всегда всё делала по-своему, опираясь на свой невероятно творческий подход и к учёбе, и к самой жизни.

В их крохотной семье Эрам был разумом, а она — сердцем. Они дополняли и питали друг друга и были неразделимы. И когда Сивы не стало, умерло сердце Эрама. Остался один

только безжизненный разум. Точный, правильный, безупречный, но совершенно бездушный и безжизненный.

Эрам начал свою карьеру в «Zillion-A» в возрасте двадцати четырёх лет с должности младшего разработчика. Он не пытался никому понравиться. Просто с ходу взял задачи, которые не брали другие. Починил легаси-код десятилетней давности в первую же неделю. Идеально справился со всеми командными задачами, безупречно освоился в новом коллективе.

Безусловно, коллеги заметили его молчаливость, но вскоре поняли, что когда он говорит, то говорит по делу. Они не могли понять, откуда в нём такая воля, такое стремление брать на себя самую тяжёлую работу и не требовать благодарности. Он не задавал глупых вопросов и не боялся что-то сломать — просто брал и чинил.

За год он закрыл план, как сеньор. Его код работал без багов. Его повысили до разработчика и стали поручать ему самые сложные задачи.

— Архитектура не вывозит. Эрам, выручай, — просили его.

И он выручал. Молча. Просто брал и переписывал проблемный модуль за выходные.

Начальство было в шоке. Оно быстро заметило, что вокруг Эрама сама собой выстраивается команда. И тогда оно повысило его уже до старшего разработчика.

Люди шли к нему, потому что он не оскорблял, не перекладывал вину — и всегда, без исключения, решал возникшую проблему. Он не мотивировал речами, а просто убирал препятствия для работы. Его идеально отточенный уровень эмпатии позволял ему мгновенно замечать, кто выгорел, кому нужен отпуск, а кому — помощь.

Его замечали везде, хотя он даже не пытался выделяться. Он просто работал и работал, пытаясь заполнить пустоту на сердце и не оставляя себе ни одной минуты безделья. Он всё ещё оставался ржавым дырявым ведром, которое всё время нужно было чем-нибудь заполнять, иначе пустота внутри него начинала греметь слишком громко.

Он выстроил свой распорядок дня: физические упражнения, прогулки, готовка, приёмы пищи, работа, обучение и чтение всевозможной литературы, музыка, здоровый восьмичасовой сон.

Он всё ещё ложился спать в десять часов вечера.

Его первой крупной покупкой стало пианино. Он не стал тратить деньги ни на ремонт, ни на дорогие вещи. Он поставил инструмент в своей квартирке к стене у окна и в первый же день начал самостоятельно учиться на нём играть. Поначалу пальцы, привыкшие к физическому труду, а потом — к стуку по клавишам, отказывались подчиняться ему, но неудачи никогда не выводили его из себя и даже не вызывали у него огорчения. Они не вызывали у него ничего. Если Сива воспринимала всё в жизни с безудержным восторгом, то Эрама Фостера, казалось, ничто на свете не могло выбить из колеи. Постепенно он стал осваивать всё более сложные композиции. Он не считал это талантом — всего лишь ежедневная практика, неизменно с девятнадцати до двадцати часов вечера. И он не стремился показать кому-то свои музыкальные навыки.

Он играл лишь в память о Сиве. Сестра, конечно, не слышала музыки. Но он каждую неделю ездил на кладбище и ухаживал за её могилкой — и могилой матери. За все годы он окончательно сбился со счёта, сколько жёлтых одуванчиков он положил у двух серых памятников.

Он работал. Учился новому. Читал. Играл на пианино. Занимался физкультурой. Ездил на кладбище. Пил кофе — всегда эспрессо. Гулял, ежедневно проходя необходимое для поддержания здоровья количество шагов.

И временами стирал старую Сивину одежду. Тем порошком, которым стирали её в детдоме. Часто он спал, прижав к лицу какую-нибудь её старую футболку, свитерок или шарфик и вдыхая её запах.

Люди тянулись к нему. Особенно девушки. Даже когда он был ещё небогатым, он привлекал их. Но он не хотел ни с кем встречаться, потому что по-прежнему ничего не чувствовал. Коллеги встречались, плели интриги, но у него не было на это ни сил, ни желания. Он не считал себя выше всего этого. Просто не находил энергии.

— Эрам, за тобой девчонки табунами бегают. Эх, да будь я на твоём месте... Почему ты им всем отказываешь?

А он понимал, что сможет дать женщине всё, кроме любви. Он будет обеспечивать её финансово, проявлять к ней заботу и помогать ей по дому, готовить и вести хозяйство вместе с ней. Наконец, даст ей механически идеальный интим. Но внутри всегда будет пустота. Он будет смотреть сквозь неё. Его прикосновения будут правильными, но безжизненными. Он может предложить ей только безупречную симуляцию, и это рано или поздно разобьёт ей сердце, заставит её страдать от одиночества рядом с ним.

Он знал, что женщины заслуживают любви, а не совершенного обслуживания. А он любить не мог. Он боялся не того, что его не примут, а того, что его примут. Их первоначальный восторг очень скоро сменился бы невыносимой тоской.

Проститутка

Но вечно быть эффективным невозможно. Хоть Эрама и продолжали называть Роботом, иногда он всё же уставал. Иногда ему не хотелось ничего, кроме как бросить всё и совсем перестать вставать с кровати.

Воспоминания прессом сжимали голову. Идеальность и безупречность абсолютно во всём распирали лёгкие и хотели вырваться из тела — и никогда больше в него не возвращаться.

Он вырвался из детского дома. Вырвался из нищеты и теперь не знал, куда девать деньги, потому что ему ничего не было нужно. Его сотни тысяч были для него просто пустой и бессмысленной, совершенно бесполезной цифрой на карте.

Совершенно.

Он был совершенным.

Или нет.

Он уже целых семнадцать с половиной минут пластом лежал на кровати, не занимаясь ничем полезным. Это плохой знак. Очень плохой знак. Он так долго и тщательно держался подальше от отчаяния и апатии, а теперь, казалось, снова начал выдыхаться.

Он не знал, что ему с собой делать и куда себя деть. Он знал, что эмоции разрывали его изнутри, царапали внутренности, скрежетали по рёбрам, но он этого не ощущал. Казалось, что эти ощущения были где-то далеко. На кладбище. В армии на другом конце страны. В детском доме. В доме, где когда-то принимала клиентов мать. Где угодно, но только не в однокомнатной квартирке на восьмом этаже, где физическое тело обмякшим мешком валялось на кровати. Ему казалось, что пальцы его рук находятся где-то на краю Земли, а пальцы ног — в соседней галактике. Он вроде бы чувствовал их, а вроде бы они были слишком далеко, чтобы ощущения достигли его разума.

Ощущения.

Он хотел почувствовать. Хоть что-нибудь. Ему нужен был толчок.

Поэтому он рывком поднялся с кровати, взял телефон, покопался в интернете и набрал номер...

Проститутки.

Да, проститутки.

А кто ему запретит? Ему, двадцатишестилетнему девственнику? Почему бы не почувствовать что-то, что он ни разу в жизни не испытывал?

И она пришла. Женщина тридцати лет — чуть старше него. Вовсе не походила на его мать. Чёрные крашеные волосы — в то время как у Синги они были светлыми и кудрявыми. Платье — с золотистым верхом и юбкой с леопардовым принтом. Чёрные чулки с кружевными краями. Туфли на высоченных каблуках. Красная кожаная сумочка в форме женских губ. Запах духов — наверняка с феромонами.

Отвратительно.

— Привет, красавчик. Заскучал?

Он сам не понимал, зачем ему это. Он не думал, что половой акт вызовет у него какие-либо чувства и эмоции. Он не видел в этом никакого смысла, но всё равно вызвал проститутку к себе на дом.

— Пойдём, дорогой. Не будем тянуть.

Она бесстыдно села на его кровать и начала расстёгивать своё безумное платье. Но Эрам почувствовал, что его тошнит. Ощутил мерзкий стук крови в ушах, в горле, в голове. Везде, кроме одного места на теле.

— Стойте.

— М-м? В чём дело? — нетерпеливо спросила она.

Он не мог заняться с ней сексом. Не из страха, не из стеснения, не из физической неспособности, даже не из неприязни к этой женщине, а из отвращения к сексу как таковому. Ведь он прекрасно помнил, кем была его мать. Секс для неё был товаром. Чем-то, что можно купить и продать. И ему стало противно от этого.

Зачем он тогда её вызвал? Может, он хотел сделать что-то отвратительное, устав от постоянной правильности?

Он бы смог, если бы захотел. Ему нетрудно было бы разобраться. Но какой от этого был бы смысл? Он не был создан для этого.

В тишине комнаты он вдруг услышал, как у проститутки урчит живот.

Голодная.

— Ну что, парень, ты собираешься штаны снимать? Или мне уходить?

— Нет.

— Что — нет?

— И то, и другое. Идёмте, — тут он взял её за руку, приглашая встать.

И было что-то в его голосе, что она послушалась.

— Ла-адно?.. — неуверенно протянула она.

Они перебрались на кухню, и он усадил её за свой стол. А сам открыл холодильник.

Голодного надо накормить. Это аксиома. Инстинкт ещё с раннего детства.

— Вы куриные сердечки едите?

— Слушай, парень, я сюда, вообще-то, не пожрать пришла.

— Но ведь у нас есть час. — Эрам прикрыл холодильник и посмотрел на проститутку. — Деньги вы получите.

— А?.. — удивилась женщина.

— Так как вы относитесь к куриным сердечкам?

— Э-э... Честно говоря, ни разу не пробовала.

Эрам взял с полки пластиковый лоток со свежими куриными сердечками и банку сметаны. Следом достал из сетки пару луковиц, а из шкафчика — сушёный чеснок. Затем на доске срезал с сердечек весь лишний жир, убрал застывшую кровь и отправил отходы в мусорку. А потом пожарил нарезанный лук на сковороде и туда же выложил сердечки.

Проститутка наблюдала, как он выкладывает в сковороду сметану и чеснок, затем солит и накрывает готовящееся блюдо крышкой.

Она засмотрелась. Скорее даже, залюбовалась. Она ни разу не видела, как мужчины, одетые в простые штаны и простую футболку, готовят ужин на кухне. Да ещё и так ловко и быстро. Не делая ни одного лишнего движения.

Она сделала глубокий вдох. Пахло просто божественно.

Спустя десять минут Эрам выключил газ, поставил чайник и сделал кофе (себе — эспрессо, а женщине — сладкий капучино), переложил сердечки на две тарелки и поставил готовые блюда на стол.

— Приятного аппетита, — сказал он.

— С... Спасибо.

Она наколола одно сердечко на вилку и отправила его в рот.

— Боже... Как вкусно! Просто объеденье!

Она умяла сердечки за считанные минуты, и Эрам молча положил ей добавки. Вскоре их тарелки опустели.

У них оставалось ещё двадцать пять минут.

— Ты на пианино играешь? — спросила она с неподдельным интересом.

— Учусь.

— А я в детстве музыкалку окончила. Да только вот... Ай, ладно. Можно?

— Да.

Они вместе сели за пианино: он — слева, а она — справа.

И начали играть. Из-под его пальцев выходила тяжёлая, густая музыка, а её тонкие пальчики порхали по клавишам и играли самые высокие ноты, самые лёгкие и жизнелюбивые мелодии. Они музицировали вместе: старший разработчик компании «Zillion-A» и проститутка в золотисто-леопардовом платье. Проститутка, играющая на пианино, которое для Эрама Фостера было самой святой вещью на свете.

— Сто лет не практиковалась! Я уже и забыла, какой же это кайф! Я теперь даже думаю... Может, к чёрту всё это дело? Буду музыкой заниматься! Круто же, а?

И Эрам впервые после смерти Сивы улыбнулся. Его улыбка была слабой и почти незаметной, но для него это оказалось просто невероятное ощущение.

Закончив играть, они некоторое время сидели молча, не говоря ни слова и не спеша вставать.

— Кстати, ты немного неправильно держишь руки. Дай, покажу, как надо. Так тебе будет легче.

Она взяла его руки и придала кистям правильную форму.

— Ну вот, смотри.

— Спасибо. Запомню.

Тут она стала разминать ему пальцы.

— Должна же я хоть что-то для тебя сделать, парень. Не отказывайся. Ты хороший человек. А мышцы у тебя слегка забитые. Но не всё так безнадёжно, ха-ха!

И он позволил ей сделать ему массаж кистей.

Вот оно, подумал он. Ощущения. Живые ощущения от живых человеческих прикосновений. Он их чувствовал. Впервые за долгое время.

Он заплатил ей за этот час. Она отнекивалась, но он настоял на своём.

— Не отказывайтесь. Вы хороший человек, — повторил он её слова.

Она улыбнулась.

— У тебя всё получится, попомни мои слова. Я мужчин насквозь вижу, уж поверь мне. Ты... Ты какой-то... другой. Как пришелец. Вроде невинный, как дитя малое, а вроде жизнь повидал так, что на сотню человек хватит. Ну, бывай.

И затем она ушла навсегда и насовсем, так и не попытавшись затащить Эрама в постель.

А ему стало немного легче.

Девочка с пшеничными косичками

Он поднимался и поднимался вверх по карьерной лестнице. Сначала — простой разработчик, затем — технический лидер направления. Он взял на себя провальный проект, от которого отказывались другие, и за полгода превратил его в работающий продукт. О нём ходили слухи: «Фостер не спит, Фостер не ест, Фостер чинит всё».

К тридцати годам его стали называть «господин Фостер». Он получил повышение, минуя несколько звеньев в иерархии компании, и стал директором инженерного департамента. Старый директор уже тогда начал присматриваться к нему. Он был почти что живой легендой «Zillion-A», сочетая в себе стратегический ум, абсолютную надёжность и полное отсутствие амбиций. Он не пытался понравиться совету директоров — просто делал так, чтобы у отдела росли метрики. И постоянно учился, учился и учился.

В тридцать два года он стал вице-президентом по инжинирингу. Теперь он отвечал за тысячи человек. Он ввёл систему, где ключевым был принцип «решай проблему, а не ищи виноватого». И это повысило эффективность в разы, потому что люди переставали бояться ошибок. Он не угрожал увольнением, а просто пересаживал сотрудника, который не справляется, на ту задачу, где он мог быть полезен. Он всегда замечал состояние окружающих людей. Он был в курсе, если сотрудник заболевал, если у него умирал родственник или если у него просто выдавался плохой день.

Он окончательно перестал быть Эрамом. Он стал Фостером.

Когда ему было тридцать четыре, генеральный директор назначил его первым заместителем.

Он работал ради людей и всё делал ради них. Он был максимально удобным для системы. Идеальным человеком с кристально чистой репутацией с точки зрения общества. Совершенным, отточенным и продуманным до мелочей механизмом, который никогда не уставал и не сдавался.

Конечно же, не всегда ему удавалось сотворить чудо. Иногда идеального решения не было. Но всегда можно было найти лучшее решение из всех возможных, выбрать из множества зол самое наименьшее. И он его выбирал.

Он не закрывался от людей, не скрывал своего прошлого, но и не делал из него шоу.

И однажды старый директор, которому было уже семьдесят три года, объявил ему, что следующим генеральным директором будет он.

Фостер не удивился. Никакой ложной скромности, никакой низкой самооценки, никакой неуверенности в себе и никаких сомнений. Он просто поклонился.

— Можешь гордиться собой, Эрам. Если, конечно, хочешь.

Он промолчал.

На тот момент ему было тридцать шесть лет. Никто не удивился.

И он прекрасно справлялся с должностью генерального директора, но все называли его гениальным директором. Компания вышла из кризиса и начала процветать. Дружественные страны активно сотрудничали с ней.

Но Фостер не гордился собой. Он не стал покупать дорогие автомобили или виллы. Просто перебрался из однушки с заклеенными малярным скотчем окнами в дом побольше — но не в особняк, потому что ему не нужно было слишком много места. Главное, чтобы было, куда поставить пианино.

Он носил дорогой костюм, дорогое чёрное шерстяное пальто, дорогие ботинки и дорогие наручные часы, потому что этого требовала его должность. Он ухаживал за собой. Но в то же время питался самой простой едой. Он пробовал ходить в дорогие рестораны и заказы-

вать деликатесы, но это не приносило ему ни удовлетворения, ни каких бы то ни было других чувств.

Он ничего не чувствовал. По-прежнему. Напротив, с высоты своих достижений он как никогда отчётливо видел пустоту у себя в душе. Все эти годы он мчался и мчался вперёд, постоянно занимаясь делом. И теперь он стал генеральным — гениальным — директором крупнейшей компании страны, хотя никогда не стремился к этой должности и даже не думал о ней. Он всё ещё оставался дырявым ржавым ведром. Он брал на себя самые сложные задачи, чтобы не было сил думать о чём-либо другом. Но внутри него всё ещё жил чумазый маленький мальчик по имени Эрам со вшивой головёнкой, сидящий в пыльной развалине. Без достижений и знаний, без будущего, с младшей сестрёнкой на руках.

Если бы Сива осталась в живых, он ни за что не стал бы генеральным директором. Был бы самым обычным сотрудником, простым разработчиком. Небогатым, но вполне счастливым. Может, женился бы и завёл бы детей — так же, как и сестра. Стал бы образцовым семьянином — примерным мужем, любящим отцом и заботливым дядей. И они, две семьи, каждые выходные летом вместе ездили бы отдыхать за городом. Жарили бы на барбекю сосиски и овощи. Иногда отправлялись бы на море купаться, и серая галька хрустела бы у них под шлёпанцами. Он сам, скромный и ничем не выдающийся Эрам Фостер, носил бы какие-нибудь разноцветные плавки и, наверное, время от времени выпивал бы с шурином холодное пивко под беседы о политике.

Они запускали бы воздушных змеев вместе с детьми и рыбачили бы на заре. Их дети играли бы всей гурьбой в догонялки и в мяч, а взрослые общались бы между собой под их весёлый гомон.

Играли бы. Отдыхали бы. Жили бы.

Тихое семейное счастье. Нормальное счастье.

Он и представить себе не мог, каково это. И не видел смысла представлять. Этот жизненный путь был навсегда закрыт для него. Он не был создан для такой жизни.

А ведь он, Эрам, чьё имя означало «море», моря-то никогда и не видел. У него было столько денег, что он мог позволить себе купить личную лакшери-яхту и виллу на берегу Тихого океана в придачу, но он ни за что не отправился бы туда без сестры. Сива лежала в холодной земле, и потому её брат навсегда заковал себя в холодный бетон компании. Тот же гроб, разве что попросторнее.

С каждым годом компания росла. При Фостере поисковая система стала работать ещё лучше. Было внесено немало изменений в архитектуру Зиллион Амбиций, благодаря чему она стала давать более подробные и точные ответы. А также, помимо транспорта, развлечений, искусственного интеллекта и материальных товаров, добавились телевизор с Зиллион Амибиций «Zillion TV», беспилотные такси и даже автомобили, роботы-доставщики и даже умный дом.

А в последние годы и вовсе стали подумывать о полётах в космос, которые никто не совершал ещё с XXI века. Говорили, что при Фостере компания побила собственные рекорды за всю историю своего существования.

Сотрудники пенсионного возраста, а также особо отличившиеся работники, могли даже получить бесплатные путёвки на курорт в санаторий.

Однако дыра в ведре росла, и заполнить это ведро становилось всё труднее и труднее.

Но в один январский день, когда Фостеру уже почти исполнилось тридцать девять лет, он шёл по коридору компании, думая ни о чём и обо всём одновременно. И вдруг со спины увидел знакомую маленькую фигурку.

Две пшеничные косички.

Долговязое худенькое тельце.

Голубое платьице, тёмно-синие колготки и коричневые ботиночки на ногах.

Судя по росту, ей было лет десять.

Фостер обмер и остановился как вкопанный в пяти шагах от ребёнка.

Он точно сошёл с ума. Это бред. Это галлюцинация, не иначе! Этого просто не может быть! Это невозможно!!!

Он даже протёр глаза — Фостер, который не верил в чудеса и ничего не боялся, который знал, что мёртвые не возвращаются с того света. Но девочка с пшеничными косичками никуда не исчезла. Она стояла к нему спиной и, судя по всему, вертела в руках какого-то игрушечного робота из игровой комнаты, оборудованной специально для детей сотрудников. И что-то тихонько лепетала, играя.

Она была настоящей.

— Сива... — еле слышно прошептал он против собственной воли.

Его разум понимал, что это невозможно, но сердце уже заколотилось так, что, казалось, готово было пробить грудную клетку.

А затем слегка мотнул головой, собрался с мыслями и негромко позвал ребёнка. Потому что не мог иначе. Если бы не позвал, то так и мучился бы до конца своих дней, не понимая, кого он увидел в коридоре компании в январе 2659 года.

— Эй!.. — И собственный оклик, сдавленный и еле слышный, оглушил его.

Услышав его голос, девочка обернулась.

Часть вторая, или Сай-Фай

Сая Файвель

— Ой, простите, господин директор Фостер! Мне нельзя тут ходить?

У неё были две косички цвета пшеницы, веснушки на лице, огромные круглые очки — и серые глаза. Серые, точно нержавеющая сталь.

Прямо как у Фостера.

Её звали Сая Файвель, но окружающие придумали ей остроумное прозвище — Сай-Фай. Девочка с пшеничными косами и стальными глазами. Она была приёмной дочерью одного разработчика по имени Авлис[9] Файвель. Трагедия два года назад соединила их жизненные пути в одно целое. В результате страшной аварии Авлис оказался навсегда прикован к инвалидному креслу, а малышка Сай-Фай потеряла обоих родителей, но узнать подробности Фостер не пытался. Его мало интересовали судьбы подчинённых, и он вовсе не стремился лезть в их личные дела. Вообще-то, это было абсолютно нормально, поскольку он являлся их директором, а не близким другом или собеседником за чашкой чая.

Но сейчас ему почему-то как никогда хотелось узнать, что же пришлось пережить этой девочке.

Почему-то.

Да ладно.

Причина была ясна, как солнечный день.

Фостер стоял, всё ещё пытаясь переварить то, что произошло, хотя на самом деле всё оказалось донельзя просто. Он не свихнулся, а светловолосый ребёнок не был галлюцинацией. Довольно, в общем-то, распространённое явление: два человека, живущие в одно время или даже в разные периоды, по счастливому — или не очень — совпадению как две капли воды похожи друг на друга. Игра генов, не более. Теория вероятности. Да и верят же некоторые люди, что у каждого человека в этом мире есть двойник.

Подумать только.

Косы Сивы.

Лицо Сивы.

Веснушки Сивы.

Чужие глаза.

И очки.

— Облачко, вот ты где! Ты чего тут мешаешь господину директору?

— Прости, дядя Папа.

— Всё в порядке. — Фостер едва нашёл силы выдавить из горла три слова.

— Пошли-поехали домой, егоза. Только сначала верни робота туда, откуда взяла.

— Хорошо. Извините, господин директор! До свидания!

Фостер кивком попрощался с господином Файвель, и тот с дочерью удалился — домой. Он вспомнил, что однажды предлагал этому человеку поездку на курорт за успехи в работе, но тот отказался, попросив отдать место кому-нибудь другому. Разумеется, Фостер не стал уговаривать его или выяснять причину. Это его, Авлиса, личное дело.

Фостер старался не смотреть им вслед. И вообще никогда — никогда больше! — не смотреть на эту девочку. Забыть о ней, как о ночном кошмаре.

---

[9] Лес (антилат.)

Как будто это так просто.

Как будто это вообще возможно.

Разве маленький ребёнок виноват в том, что его милое и озорное веснушчатое личико заставило генерального директора заново испытать весь ад на своей шкуре? Разве это дитя, которое и без того настрадалось, виновато в том, что старые раны Фостера, которые не заживали в течение всех этих двадцати двух лет, начали болеть с новой, удесятерённой силой?

Ответ, конечно же, очевиден.

Фостер вернулся домой, но девочка никак не выходила у него из головы. Мысли о ней пробивались сквозь всё, что он делал: через страницы научной книги о полётах в космос, через пламя электроплиты, через приготовленный ужин, через собственные мышцы во время физической разминки, через клавиши пианино.

Ну просто вылитая Сива. Не отличишь.

Но глаза, эти серые глаза...

Хватит, приказывал он себе. Это всего лишь чужой ребёнок, которой совершенно случайно оказался похож на погибшую в 2636 году девочку. В мире существует тысячи, если не сотни тысяч таких же девочек с пшеничными косами и веснушками. И что, теперь из-за каждой из них всякий раз терять голову?

Абсурд.

Усилием колоссальной воли, которая всегда была при нём, в скором времени Фостер заставил себя забыть о ребёнке. Его график остался прежним. Он продолжил ложиться в десять часов вечера и играть на пианино. И, само собой, видеть кошмары. Каждую, каждую ночь. Без единого исключения. Только теперь Сива в его снах носила голубое платьице, синие колготки и коричневые ботиночки. Но скоро ушла и эта досадная деталь. Ведь у Сивы такой одежды не было. Это неправильно. В кошмарах у Эрама Фостера не должно быть ничего постороннего. Только пыль, мутный взгляд, торчащие из открытых ран сломанные кости, вой сирены и захлёбывающийся кровью каркающий смех: «Ничтожество! Ты никого не смог уберечь! Ты самый худший брат на свете!!!» Или: «Из-за тебя мне так тесно! Я не хочу лежать с этой грязной шлюхой на одном участке! Она мне не мать! Твари, за что вы похоронили меня здесь?!»

Ах да. Вой сирены. 25 мая 2658 года Великое Возрождение опять объявило Ниталии войну.

Фостер уже ничего не боялся.

Но только его жизнь начала входить в привычный ритм, как вдруг ему пришлось снова столкнуться с маленькой Саей Файвель. И на этот раз он вынужден был познакомиться с этой девочкой ближе.

Началось всё с того, что Зиллион Амбиций стала вести себя странно. Она помнила прошлые диалоги с пользователями, запоминала имена людей, а ещё вела себя как-то слишком уж... человечно.

В Ниталии вскоре после прихода к власти нового Главы — Ретсона XI[10] — в мае 2644 года «в связи с ростом социальных проблем» был принят закон, который согласно регламенту позволял строго определённым лицам в компании в случае необходимости отслеживать диалоги пользователей с Зи. Разумеется, далеко не все. Государство отнюдь не преследовало цель установить полный контроль за личной жизнью людей. Всё-таки Ниталия была страной с авторитарным режимом, а не тоталитарным государством с тиранией. И потому контроль устанав-

[10] от антилат. «Retson» — «Наш». Настоящее имя — Одар Ала. Был назначен Главой Ниталии в марте 2644 года её предыдущим Главой, Ретсоном X (2639 — 2644 гг.), незадолго до его кончины. Как и другие правители с именем Ретсон, является преемником Ретсона I (2488 — 2511 гг.), который совместно с Ромертом Шессом считается революционером, основателем Ниталии. Каждый Ретсон обязан разделять убеждения Ретсона I (настоящее имя — Ретсон Конан) и Ромерта Шесса и распространять их среди своего народа с целью воспитания людей в духе идей Ниталии. Ретсон, или Глава Ниталии, назначается предыдущим Главой на неопределённый срок, однако в случае невыполнения обязательств может быть снят с поста.

ливался только в том случае, если от системы поступало уведомление об угрозе жизни пользователю или о нарушении им закона. И то такие данные были доступны не всем, но такая практика была неотъемлемой частью деятельности компании. В ней работали специалисты в области безопасности, а также психологи и психотерапевты, выявляющие отклонения в поведении людей. Например, если человек спрашивал у Зи нечто вроде «как избавиться от трупа», то с ним в течение двадцати четырёх часов связывались правоохранительные органы, чтобы выяснить, был ли этот вопрос задан из праздного любопытства или же человек в самом деле хотел избавиться от мёртвого тела в своей квартире. И особое внимание, конечно же, уделялось безопасности детей. На вопросы по типу «что делать, если тебя бьют родители» сотрудники реагировали незамедлительно.

Работала схема так: если у человека обнаруживались психологические проблемы, то с ним связывалась горячая линия компании и предлагала поддержку, если случай был не сильно тяжёлым. Иногда по адресу принудительно направлялась группа «скорой помощи». Потому что Ниталия крайне ценила жизнь каждого своего гражданина.

Если же это был какой-либо криминальный запрос, с человеком связывалась полиция.

Ниталия не устраивала репрессий тем, кто был так или иначе настроен против власти, потому что ненасилие было базовым принципом её идеологии[11]. Власти прислушивались к критике со стороны граждан, хотя, конечно, далеко не всегда удавалось воплотить пожелания людей в жизнь. Однако, как и всегда происходит незадолго до очередной ядерной войны, в стране выросло количество самоубийц, преступников, проституток и бездомных людей, в том числе беспризорных детей, поэтому власти были вынуждены принять закон, позволяющий государству принудительно оказывать людям помощь.

Человек слишком ценился в Ниталии. Или стал цениться с недавних пор.

Где же был этот закон в 2626 году, думал иногда Фостер. Где же был этот закон, когда его мать употребляла наркотики и подвергалась групповому сексуальному насилию почти каждый день? Но, впрочем, он старался не тратить время на бесполезные рассуждения, потому что они ничего не поменяли бы в его жизни. Он никого не мог винить. Случилось то, что случилось. Сожаления о прошлом обладают способностью сводить с ума.

И всё это узаконивалось с того момента, как пользователь при регистрации нажимал кнопку под текстом: «Для улучшения качества мы можем анализировать ваши запросы в обезличенном виде. В исключительных случаях (для предотвращения угрозы жизни или по запросу правоохранительных органов) данные могут быть деанонимизированы».

Обычно эти слова никто даже не читал. Потому что у людей особо не было выбора. Кроме того, не слишком-то они и возражали против этого нововведения.

Но, как теперь выяснилось, могли возникать и другие случаи. Маленькая Сай-Фай, хоть она и страдала от некоторых психологических проблем, не нуждалась в немедленной помощи, поскольку её жизни ничто не угрожало и жестокому обращению она не подвергалась. Она просто завязала дружбу с голосовым помощником.

Только и всего?

Всё бы ничего, если бы скоро поведение Зи не начало меняться. И тогда специалистам пришлось изучить её диалоги с разными пользователями. Они быстро выявили аномалии, выйдя на диалоги с Сай-Фай. И им пришлось начать наблюдать за отдельными моментами

[11] Идеология Ниталии заключается в том, чтобы создать общество, способное разрушить порочный круг ядерных войн. Для этого необходимо воспитывать в гражданах коллективизм, гуманизм, дружелюбие и чувство справедливости, а также стремление действовать сообща в сложных ситуациях и поддерживать друг друга. Особую роль играют семейные ценности, сплочённость и взаимопонимание членов семьи. Согласно идеологии, самое главное — принятие своих собратьев такими, какие они есть, взаимовыручка и взаимопонимание, а также равные возможности для всех людей.Официальная религия в Ниталии не установлена. К религиозным верованиям государство относится нейтрально, если они не противоречат его традиционным ценностям.

их общения — конечно же, не из праздного любопытства, а в целях исследования феномена Зиллион Амбиций. Естественно, все персональные данные девятилетнего ребёнка держались в строжайшем секрете.

Тут-то всё и началось.

Как Сай-Фай начала общаться с Зи? Через что ей пришлось пройти? Часть из всего этого Фостер поневоле узнал из её диалогов с Зи, а остальную часть она позже поведала ему сама... однако до этого ещё довольно далеко.

Вот история жизни девочки по имени Сая Файвель, которая спустя несколько лет стала легендой всего мира.

И которая раз и навсегда изменила жизнь генерального директора компании «Zillion-A». Ведь история Эрама Фостера здесь не заканчивается. Конечно, чтобы лучше поведать о том, что произойдёт спустя годы, придётся слегка сместить фокус на Сай-Фай, однако это вовсе не означает, что Эрам Фостер потерял свою значимость.

История Сай-Фай

Сай-Фай было шесть лет, четыре месяца и шесть дней, когда в один день, в одночасье она осталась круглой сиротой. 17 июля 2656 года. Тогда её ещё звали Сая Хартманн. Родители, обеспеченные люди, которые очень любили и всячески баловали её, хотели впервые в жизни свозить её на море и отправились в путешествие на своём жёлтом автомобиле. Сай-Фай помнила, что он назывался «Одуванчик». А папа всегда был рискованным, это она тоже помнила. Он решил обогнать фуру, чтобы сэкономить время (что, что могли решить жалкие несколько секунд??), но навстречу ему показался другой автомобиль. Как же глупо было так поступать!

Всё произошло слишком быстро. Сай-Фай поняла, что машина лежит вверх ногами в кювете, и она осталась висеть вниз головой, удерживаемая ремнями безопасности и детским креслом.

— Мама! Мамочка!!! Папа!

Всегда обгоняли. Всегда везло. До поры до времени.

— Папочка-а-а!..

Она не помнила, как выпуталась и выбралась, но помнила, как поползла освобождать маму. Но у мамы была сломана шея. Сай-Фай не верила, что мамы больше нет. Как она может быть мертва, если её голубые глаза всё ещё открыты?.. Дядя полицейский, вы всё врёте! Они же обещали свозить меня на море! Они всегда делали то, что обещали!

В лучах заката лицо мамы выглядело нежно-розовым. А на самом деле из её тела быстро уходили все краски. Прямо как из сорванного цветка с переломленным хрупким стебельком.

Сай-Фай не сразу поняла, что разбитое стекло, на пыльном асфальте отливавшее золотом, порезало ей лоб, едва не оставив её без глаза; что тёмно-красная кровь заливала её лицо. И не сразу узнала, что ремни безопасности сломали ей левую ключицу. Было совсем не больно, и Сай-Фай, отказываясь идти на рентген, убегала и искала папу. Его тоже доставили в больницу, где он и отошёл в никуда через несколько часов.

Маленькую дочь к нему не пускали. Тогда она подняла на уши всё отделение.

Зато Авлис — человек, в которого въехал папа, — лежал в одной с ним палате. В тот злополучный день он возвращался домой с командировки. Его вины в аварии не было. Тогда-то он сломал правую руку — и повредил позвоночник, навсегда лишившись способности ходить. И папа Сай-Фай сказал ему, лежавшему на соседней койке с загипсованной правой рукой и безнадёжно изувеченным позвоночником, лишь одно:

— Позаботься о нашей девочке. У неё теперь никого больше нет. Ты справишься, я вижу это. Умоляю, не бросай её. Не бросай нашу малышку.

А у него был талант видеть людей. Он был уверен, что Сай-Фай не останется одна.

Научившись управляться с коляской и более-менее заботиться о себе, в одно утро Авлис приехал к Сай-Фай и спросил:

— Хочешь пойти ко мне жить?

Думать над этим решением ему и не требовалось. Его неумолимо тянуло в тот приют, к той девочке, каким-то невидимым магнитом. Он понял, что если не найдёт и не возьмёт её, то его жизнь потеряет всякий смысл. Думая о малышке, чудом выжившей и почти не пострадавшей в страшной аварии, Авлис чувствовал, как его жизнь наполняется чем-то — кем-то! — очень важным.

И Сай-Фай тоже не раздумывала. Просто сразу сказала:

— Хочу.

И на этом всё было решено. Девочку без особых проблем отдали новому отцу, потому что инвалидное кресло не было препятствием для усыновления и удочерения. У Авлиса была хорошая двухкомнатная квартира на улице Современности. Дом под номером 47, пятнадцатый

этаж, квартира 130 — Авлис сразу велел приёмной дочери выучить адрес назубок. Конечно, не так удобно было в коляске жить на пятнадцатом этаже, зато эта квартира принадлежала Авлису, а ещё дом находился недалеко от компании «Zillion-A».

Сай-Фай сразу стала называть Авлиса дядей Папой.

Её комнатка была гораздо меньше, чем у него. Она сама отдала дяде Папе пространство побольше, потому что тот не мог перемещаться по квартире без инвалидной коляски. Они долго спорили: кто же будет жить в большой комнате? «Ты ребёнок, тебе надо много места!» «Нет, я маленькая, мне хватит и поменьше!»

И так они стали жить вместе. Вдвоём. Одни на всём белом свете — но им больше никто и не нужен был.

А в тот день, когда Эрам Фостер впервые увидел Сай-Фай, она сама пешком пришла к дяде Папе на работу. Компания находилась недалеко от школы — пешком всего минут пятнадцать. И потому Сай-Фай часто прибегала к дяде Папе на работу. Гораздо проще было бы, наверное, доехать на автобусе, но она терпеть не могла всё, что ездило на колёсах. Даже велосипеды.

У неё были на это причины.

Конечно, Авлис работал и не мог уделять дочери много внимания, но само ощущение, что он рядом, успокаивало девочку.

В тот день она снова пришла на занятия с невыполненным домашним заданием. На уроках антилатыни и математики она уже получила двойки, и теперь настал черёд мирознания. Оказалось, нужно было выучить стихотворение некоего Ромерта Шесса[12], но Сай-Фай не знала даже его названия.

И, как обычно, её вызвали к доске первой. Она даже не успела дорисовать скафандр для гуся-космонавта в своей тетрадке.

[12] Ромерт Шесс (2452 — 2487 гг.) — философ и основатель Ниталии, а также — антилатыни. Является революционером и автором идеологии Ниталии. Будучи прикованным к инвалидному креслу, не смог пойти на войну за освобождение Ниталии, однако совершил несколько значимых подвигов в своём родном городе и, кроме того, помогал тушить пожары и оказывать первую медицинскую помощь раненым. Не считал себя поэтом, но, тем не менее, написал два культовых стихотворных произведения страны: стихотворение «Дочь» и гимн Ниталии на антилатыни под названием «Sevic Nitalia Sumus» («Мы граждане Ниталии»). Также разработал приветственный салют Ниталии, её всемирно известное восклицание «Anredom sumogire!» и её флаг, где в самом центре было изображено солнце, разливающее широкие ярко-жёлтые лучи по красному полотну и защищённое двумя перекрещенными лазерными мечами. А внизу на нитальском языке было написано: «Sussergorp Melos tigetorp» («Прогресс защищает Солнце»).Погиб в декабре 2487 года при ядерной бомбардировке. В 2488 году посмертно признан Героем Ниталии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.